

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Безумное притяжение

Серия "Волки Малгожаты" -2

Алина Углицкая

Волки Малкожаты

Алина Углицкая

Безумное притяжение

«Автор»

2017

Углицкая А.

Безумное притяжение / А. Углицкая — «Автор», 2017 — (Волки Малкожаты)

ISBN 978-5-532-08337-0

У омеги особенный запах. Он пробуждает в лугару инстинкты, спрятанные под налетом цивилизации. У кого-то это жестокость и похоть, у кого-то - отчаянное желание защитить омежку, даже ценой собственной жизни. И хуже всего, когда оба инстинкта встречаются в одном лугару. Знала ли Мирослава, отправляясь в столицу, что она наполовину лугару, да ещё омега? Нет. Пока не столкнулась с сородичами, о существовании которых даже не подозревала. "Волки Малкожаты-2". Каждую книгу можно читать отдельно. В оформлении обложки использовано фото с сайта shutterstock. Дизайнер Езерская В. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-08337-0

© Углицкая А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алина Углицкая

Безумное притяжение

Глава 1

В ушах звенело. Мир перед глазами подернулся пеленой и медленно уплывал из-под ног. А еще все тело горело, будто в огне. Особенно то место в паху, отвечающее за продолжение рода...

Северин сплюнул горькую от желчи слюну и схватился за угол дома.

Черт возьми, что это с ним? Такое ощущение, будто в голове кисель вместо мозгов! Давненько его так не штормило...

Он напряг память.

Так, гостиницу помнит, как на встречу с партнерами собирался – тоже. И клуб этот байкерский, и пару бутылок безалкогольного пива, которые выпил с партнерами, обмывая будущую сделку... А потом?

Потом – темнота.

Подняв голову, он огляделся. Местность была знакома – буквально в десяти шагах от него находилась автостоянка и расцвеченное огнями крыльцо клуба. Грохотала знакомая музыка, у крыльца стояла какая-то компания – парни и девушки, затаенные в косухи с металлическими заклепками и кожаные штаны. В воздухе витали запахи бензина, алкоголя, сигаретного дыма и разгоряченных тел.

А еще к ним примешивался странный, возбуждающий аромат. Аромат течной самки.

Нет, не так.

Аромат ЕГО течной самки.

Он замер. Втянул в себя ночной воздух. И дыхание оборвалось, застряло в груди. Перехватило горло, сдавило его стальными пальцами. Застарелая боль сжала сердце, ворвалась в сознание разрушительным ураганом. Воспоминания, которые он так тщательно хоронил, вернулись.

Он не мог ошибиться! Это была ОНА. Ее запах.

Дрогнули, подгибаясь, колени. И он бы упал, если бы не держался рукой за стену. Как давно он не вдыхал этот божественный аромат. Аромат самой страсти, предназначенный только для него одного.

Нет, наверное, он сходит с ума...

Это не может быть ОНА... Его София.

Ее больше нет.

Но тогда... чей это запах?

Ближайший поселок лугару расположен в пятистах километрах от этого города. Откуда здесь могла взяться волчица, да еще в период овуляции, да еще совершенно одна?

Одна ведь! Он не ощущал запахов других лугару.

И она... пахнет, как его пара? Это бред! У него уже была истинная пара, и он ее потерял! Дважды такой шанс никому еще не выпадал. Не было precedентов.

Но тогда, почему сейчас все его тело горит, как в огне? И откуда это безумное вожделение, заставляющее его член проситься на волю?! Почему участился пульс, и сердце стучит, как безумное, и кровь грохочет в ушах?

А еще встала дыбом полоска шерсти, расположенная вдоль позвоночника. Та самая, что в человеческой ипостаси отличает лугару от обычного человека...

Взрыкнув, Северин оторвался от стены клуба и двинулся в темноту, откуда доносился одуряющий аромат самки.

Через пару шагов ему стало ясно, что волчица там не одна. К ее запаху присоединились запахи нескольких человек. Остро-пряная вонь возбужденных человеческих самцов ударила Северину в нос. Он фыркнул и перешел на бег. Его звериное обоняние учуяло молодых парней, под завязку накачанных алкоголем. Судя по всему, их было пятеро. Пять возбужденных, пьяных и агрессивно настроенных парней против одной слабой самочки.

Его самочки!

Он чувствовал нотки страха и паники, перебивавшие ее аромат. Яркие вспышки агрессивности, исходившие от парней. Его внутренний волк оскалился, зарычал, требуя выпустить его на свободу. Но вместо обычного презрения, испытываемого им к слабым особям, сейчас он буквально обезумел от желания спасти, защитить эту еще незнакомую ему самку.

К запахам волчицы и человеческих парней примешалась кислая вонь отбросов и испражнений, но Северин ее практически не замечал. Он оббежал здание клуба и вылетел на задний двор, где единственный тусклый фонарь освещал площадку с помойными баками.

Замер, уставившись в темный угол двора. Слуха коснулись еле слышные женские всхлипы и приглушенная возня. Там, определенно, происходило что-то плохое.

Мирослава осознала себя бредущей по лесу.

Это было словно удар под дых.

Она запнулась. Замерла, в инстинктивном ужасе стискивая бесформенную футболку, прикрывавшую ее тело. Изумленно обвела взглядом вокруг себя.

Да, это был лес или что-то очень похожее. Деревья, кусты, сырая трава под ногами... Босыми ногами!

Издав судорожный вздох, девушка сжалась. Она стояла босая, в одной футболке посреди ночного леса и не помнила, как здесь оказалась. Внутри медленно поднималась ледяная волна панического ужаса.

Где-то хрустнула ветка. Сердце девушки пропустило удар. Страх, подспудный, дикий, не объяснимый ничем, заставил ее рвануться с места и побежать, не разбирая дороги.

Чутье вело ее на восток. Врожденный инстинкт направлял беглянку, не давая ей покалечиться, помогая перепрыгивать и обходить препятствия. Все тело – мышцы, суставы и сухожилия – работало в едином ритме, подчиняясь лишь одному закону – закону выживания. Рассудок в этот момент уступил место инстинктам.

Маленький пугливый зверек, запертый в человеческом теле, замер на кромке леса, втягивая резкий запах медленно остывающего асфальта. Это была дорога.

Мимо промчалась машина, разбивая ночную тишину ярким светом галогеновых фар. Громкая музыка отозвалась в мозгу тяжелым ударом, и Мирослава отпрянула под спасительную тень деревьев. Почему-то ей было страшно выходить на открытое пространство, страшно показываться на люди...

Что это с ней?

Она сунула в рот указательный палец и прикусила. Дурная привычка, оставшаяся со школы...

Со школы?

Девушка напрягла память. И тут же голова взорвалась острой болью.

Застонав, Мирослава упала в траву, свернулась калачиком.

Черт, что происходит?

Нет, она ясно помнила свое имя, помнила бабушку с дедушкой, у которых росла. И сельскую школу, и одноклассников, и выпускной. И даже последние несколько месяцев, которые проработала официанткой в сельском кафе, рассчитывая заработать денег на учебу... А еще помнила, как родные провожали ее ранним утром, как она махала и улыбалась им из окна автобуса, уезжая... Куда? Когда?

Память молчала.

Дрожащей рукой Мирослава коснулась волос. В воспоминаниях она видела себя с длинной светло-русой косой, но сейчас этой косы не было и в помине. Только жалкие свалывшиеся пряди, на ощупь напоминавшие паклю.

Холод заставил ее подняться. Нужно было идти, куда угодно, только не оставаться здесь. Что-то подсказывало – здесь очень опасно. Какая-то неведомая угроза чувствовалась за спиной, и девушка совершенно не желала знать, что же это такое.

До боли закусив губу, она двинулась вдоль дороги. Осторожно, испуганно замирая от каждого звука, сжимаясь в комок и прячась в тень при виде проезжих машин. Люди в этих машинах казались ей не менее страшными, чем то, что шло по ее следам.

Она не знала, сколько брела так, с трудом переставляя озябшие ноги. Может, час, а может, все пять... Силы быстро заканчивались, хотелось упасть на землю, закрыть глаза и отдаться на волю providения. Все тело болело, будто избитое, саднили царапины, перед глазами все расплывалось от слез, хлынувших вдруг неудержимым потоком.

Страх, голод, жажда, непонимание острым комком застряли в груди, мешая дышать, не давая мыслить логично.

Ее слуха коснулись странные звуки. Их источник был слишком далек, чтобы она смогла разобрать, что же слышит. Но инстинкт заставил прибавить скорость.

Еще несколько минут быстрого бега и она, почти теряя сознание, вылетела к указательному щиту. На нем на двух языках было выведено название населенного пункта. Но Мирославу интересовало не это.

Буквально в ста метрах от щита трасса переходила в широкую асфальтированную площадку, на которой горела огнями автозаправка, а чуть в стороне виднелось еще одно здание, из которого лился тяжелый, забойный ритм, рвущий перепонки своими басами.

Девушка пригляделась. Яркие фонари освещали фигуры людей, бросали тусклые блики на хромированные части железных коней, припаркованных на стоянке. К музыке подмешивались человеческие голоса, крики, смех. Запахи бензина и алкоголя густым туманом висели над этим местом.

Это был байкерский клуб или бар, расположенный на окраине. Она не могла ошибиться, слишком уж антураж специфичный. Да и внешность людей, которых она смогла разглядеть, говорила в пользу ее версии.

Спасительная мысль пришла почти сразу.

Мотоцикл!

Возможно, кто-то из этих людей беспечно оставил ключ в замке зажигания? Автостоянка почти не освещается, только та часть, что находится ближе к бару. Если ей повезет, она сможет бесшумно откатить байк подальше, а там – поминай, как звали. В таком шуме вряд ли кто-то услышит тихий шорох колес по асфальту...

Главное, не струсить, не испугаться. Ей нужно бежать отсюда, спастись. Домой. К бабушке. К дедушке. Туда, где ее никто не найдет.

Она опять сунула палец в рот. Ноготь уже был обгрызен почти до мяса. Вспомнила, как бабушка мазала ей этот палец горчицей, как ставила в угол, не пускала гулять, тщетно пытаясь избавить внуку от вредной привычки. Не вышло.

Крадучись, Мирослава приблизилась к автостоянке. Обошла фонари, стараясь не попасться в круг света, и нырнула в спасительную тень. Потянула носом, определяя еще не

остывшие двигатели. Если хозяин только недавно оставил свой байк, есть шанс, что он не стал вынимать ключа, рассчитывая через минуту вернуться.

Минуты ей вполне хватит. Она была в этом уверена.

Но просчиталась.

Вспыхнули скрытые фонари, среагировав на движение. Мирослава резко сжалась, рванула из круга яркого света, внезапно залившего стоянку, но было поздно. Ее заметили.

И поймали.

Какой-то парень в коричневой косухе, весь увешанный цепями, как новогодняя елка, схватил ее за руку. Больно дернул, выкручивая запястье. Взыв, девушка рухнула на колени.

– Бля, парни, вы только гляньте, какой сюрприз! – пробормотал он слегка заплетающимся языком.

От него шла такая волна перегара, что Мирославу едва не стошнило. Но это оказалось ерундой по сравнению с тем, что парень был не один.

Четверо его дружков появились, как чертики из табакерки, словно из ниоткуда. Молодые, не старше двадцати-двадцати двух лет, хорошо поддатые, как раз в той степени опьянения, что заставляет человека чувствовать себя хозяином положения. Кто-то из них держал в руках початую банку пива, кто-то прикладывался к бутылке. От них разлило алкоголем, азартом и ощущением собственной безнаказанности. Это были хищники, чье звериное нутро вышло из-под контроля, стоило разуму лишь немного сдать позиции.

– Что, детка, решила поиграть в догонялки? – парень, поймавший ее, дернул девушку на себя. Та с судорожным всхлипом впечаталась ему в грудь. Он толкнул ее в сторону остальных. – Поиграем?

Она выглядела почти ребенком. Худая, полуголая, грязная. На узком личике – одни глаза, а в них ничего, кроме безотчетного ужаса. И именно этот ужас решил ее участь.

С гиканьем и улюлюканьем парни обступили ее. Она попятилась, затравленно оглядываясь по сторонам. Но музыка была слишком громкой, а случайные зрители слишком занятые собой, чтобы хоть кто-то отреагировал на ее молчаливую просьбу.

Кто первым сделал резкий выпад в ее сторону? Мирослава не поняла. Но это стало сигналом.

Вскрикнув, точно раненый зверь, она рванула прочь из круга. Помчалась, петляя, между железных монстров. Только б уйти! Только б уйти от погони.

Подчиняясь инстинктам, взлетела в прыжке, оттолкнулась ногой от покрытого кожей седла – и запрыгала поверх мотоциклов, как подстреленный заяц, чувствуя под босыми пятками то металл, то кожу, то мех.

Пулей вылетела со стоянки. Пятки горели после удара об асфальт. На секунду оцепенела – куда? Ну конечно, туда, где темнее. Темнота – это друг, темнота ей поможет. В темноте ее не найдут.

Она слышала за спиной крики преследователей, но надеялась от них оторваться. Ведь недаром и в школе была самой быстрой по бегу.

Мирослава отбросила лишние мысли. Скорость – вот ключ к спасению.

Она влетела в самый темный угол двора. Вонь разлагающихся отбросов ударила в нос, дурманя сознание. Тело впечаталось в железную сетку, преградившую путь.

Черт! Это тупик!

Она развернулась. Взгляд обшарил пространство, ища пути к отступлению.

– Быстро бегаешь, сучка! – один из парней, задыхаясь от быстрого бега, встал перед ней. – Спринтерша, мать твою.

Следом за ним показались другие.

– Не подходи! – выкрикнула она, прижимаясь спиной к решетке.

Голос дрогнул, в нем слышались слезы. Выхода не было, она сама загнала себя в ловушку. По обе стороны от нее почти вплотную друг к другу высились огромные мусорные контейнеры, наполненные гниющими пищевыми отходами. В спину упиралась ржавая сетка. Единственный выход оказался отрезан – парни перегородили ей путь.

– А то что будет? – один из преследователей осклабился.

Остальные загоготали. Громко, отрывисто, совершенно не боясь, что их кто-то может услышать.

Они обступили ее полукругом, загоняя в угол, точно стая гончих собак, травящих зверя.

– Какие ножки, – один из них ухватил ее за подол футболки, рванул вверх, оголяя плоский живот. – Такие ножки – да мне на плечи!

– Бля, парни! Да она голая! – заржал второй. – Готовая для нас.

– Вау! Цыпа, я первый! – еще один навис над Мирославой, подавляя своим весом, дернул за ворот футболки, и ткань затрещала. – Иди ко мне, детка.

Девушка закричала, но в ту же минуту чья-то потная ладонь закрыла ей рот.

Их было пятеро. Пятеро против ее одной. Что она могла сделать?

Глава 2

Долгие раздумья не в правилах лугару. Это удел людей. Волком движет инстинкт.

Огромный зверь бесшумно вырос в ночи. Скользнул, будто тень, одним махом покрывая пространство в десяток шагов. И мягко опустился на лапы между девушкой и парнями.

В свете единственного фонаря блеснул волчий оскал. Низкий рык заставил Мирославу оцепенеть и вжаться в решетку. Волчий зад, покрытый жесткой серебристой шерстью и украшенный коротким хвостом, уперся ей в живот.

А потом животное, которое она приняла за большую собаку, совершило прыжок. И тишину разорвали крики боли и ужаса. А еще – запах крови.

Упав на колени, Мирослава сжалась в комок. Ее безудержно рвало, выворачивало наизнанку, но в пустом желудке не было ничего, кроме желчи. Грязные волосы облепили лицо, закрывая обзор. Да смотреть-то и не хотелось. На что? На то, как эта зверюга режет людей, будто овец?

Это какой-то бешеный пес, обитающий здесь, на помойке, – билась в мозгу истеричная мысль. Вот, сейчас он с ними покончит, и примется за нее...

Девушка была в полуобмороке, когда он к ней подошел. Приблизился осторожно, чувствуя исходящие от нее волны удушающей паники. Ткнулся носом в плечо.

Маленькая, худенькая, похожая на взъерошенного волчонка, который в первый раз встал на лапы. В одной рваной футболке, не скрывающей испаранных рук и ног.

Он фыркнул, чувствуя, как внутри появляется комок всепоглощающей, неконтролируемой похоти. Такую похоть лугару испытывают лишь к своим истинным парам.

Взять. Здесь. Сейчас.

Распластать на грязной земле, среди этих отбросов. Войти в ее тело одним ударом. Вбиваться в нее, пока не накроет безумие. Пока не помутится рассудок.

Такое с ним уже было, когда-то. Неужели судьба дала ему еще один шанс?

Нет, было бы слишком просто поверить в это. Чудес не бывает. Он-то в этом уже убедился на собственной шкуре.

Огромный волк принялся и угрожающе зарычал. От спасенной девчонки пахло людьми и чужим самцом.

Запах людей быстро выветривался, забиваемый вонью отбросов. А вот запах другого самца исчезать и не думал. Он въелся в ее кожу, в ее волосы. Он наполнял ее тело.

Кто-то другой, мощный и темный, не так недавно сделал ее своей. Кто-то другой не так давно имел это тело!

Волна ярости затопила его, затмевая рассудок. Ярости и желания. Безумная смесь огненным смерчем промчалась по венам, напроць снося хрупкий налет человечности.

Кому она отдавалась? Кто посмел ее взять?

Она его! И только его! Он ее никому не отдаст!

С глухим рыком волк подался вперед, повел мокрым носом по узкому плечу, с которого свалилась футболка. Втянул запах ключицы. От ее кожи исходил одуряющий аромат.

Девушка задрожала, сжалась сильнее, почти перестала дышать. Вот, сейчас, еще пару секунд – и она ощутит клыки зверя, вспарывающие ее плоть...

Он чувствовал безотчетный ужас, бившийся в ее венах. Он его раздражал, отвлекал. Мешал сделать ее своей. Тем более все его существо требовало взять ее прямо сейчас. Кровь отдавалась в висках тяжелым набатом, в паху все горело.

Острое, почти болезненное желание заставило зверя изогнуться и клацнуть зубами. Все, о чем он мог думать сейчас – это горячая, влажная плоть, от которой так сладко пахнет...

Плоть его самки, созданной для него. Его пары.

Утробно зарывчав, огромный волк завис над сжавшимся в комок женским телом.

Девушка вскрикнула, вскинула руки. Маленькие ладошки уперлись в мохнатые волчьи плечи.

Она что, думает таким образом справиться с ним? Наивная. Это же зверь!

Вся жизнь пролетела перед глазами. Нет, не так Мирослава думала умирать. Не так. Не здесь. Не сейчас.

Огромный серебристый волк нагнул лобастую голову. Прижал уши. Теперь он смотрел ей прямо в глаза. И этот звериный взгляд, в котором читался человеческий разум, был ей очень знаком. Кто-то уже смотрел на нее именно так... Кто-то очень плохой.

– Нет! – выдохнула она непослушными губами, когда волк с рычанием подался вперед, почти подминая ее под себя. – Только не так!

Хищник замер. Точно слабый женский голос прозвучал для него, как приказ. В ее голосе, в ее взгляде был такой всепоглощающий ужас, что зверь отступил. Сбитый с толку, мотнул головой, коротко заскулил и вдруг сел на задние лапы, не спуская с девушки умных глаз.

Мирослава ждала прыжка. Но волк просто сидел и смотрел на нее. Да, теперь она поняла, никакая это не собака, собаки просто не могут быть такими огромными. В холке он доходил ей почти до груди. Вот он открыл пасть, полную острых зубов, и свесил язык. Розовый, влажный. Зевнул, всем своим видом показывая, что безобиден.

Он не хочет ее больше есть?

Идиотская мысль!

Мысленно перекрестившись, Мирослава начала отползать, не вставая на ноги. Ползла задом, почти распластавшись по земле и не спуская с животного напряженного взгляда. Сантиметр за сантиметром отвоевывая шанс на спасение.

Волк взрыкнул и припал к земле. Его шкура подернулась легким золотистым свечением, и в этом свечении Мирослава увидела странные метаморфозы. Тело хищника изгибалось, ломалось, вытягивалось и плавилось у нее на глазах.

И когда он вдруг поднялся на задние ноги, одинокий фонарь, раскачивавшийся над мусорными контейнерами, осветил человека.

Мужчину.

Очень высокого, мускулистого, с мощным торсом и узкими бедрами. С длинными пепельными волосами, небрежно разметававшимися по плечам. И абсолютно нагого...

Он шагнул к Мирославе, протягивая ей руку.

Это было уже чересчур. Тихо охнув, она потеряла сознание...

Северин застыл, не решаясь дотронуться до нее. Вот она, рядом. Только протяни руку – и она будет твоя. Но теперь, в человеческой ипостаси, инстинкты отступили, давая место холодному рассудку. И сразу возникли вопросы.

Кто она? Откуда? Как здесь оказалась?

А главное, что происходит с ним самим? Почему он вдруг решил, что она его пара? Почему воспылал такой похотью к незнакомой волчице. Да и волчице ли?

Он нагнулся, принялся. Да, кровь лугару в ней была – определенно. Но странная такая, словно разбавленная.

Полукровка? Возможно...

Полукровки были очень редки. Обычно, гены лугару перевешивали человеческие, и у смешанной пары рождались полноценные щенки. Но иногда, если отец был человеком, а мать – слабой самкой, на свет появлялись полукровки. Более ловкие, более быстрые, чем обычные

люди, может, даже физически более выносливые, чем их человеческие собратья. Но, к сожалению, неспособные на оборот. Не умеющие принимать звериную ипостась. Слабые особи, запертые в человеческом теле. Таким не было места ни в одной стае. Они уходили жить в мир людей.

Эта девушка тоже из их числа?

Да, это было похоже на правду. Но тогда еще непонятнее, как она оказалась здесь, да еще в таком виде. И этот запах чужого самца. Самца, который совсем недавно ее имел...

Северин нагнулся над ней, принялся. Девушка была очень худая, словно несколько дней голодала. А еще кожу на ее запястьях покрывали странные шрамы, похожие на те, что остаются от ремней и веревок. Причем не все из них казались свежими, многие выглядели так, словно были нанесены месяц назад.

Кто-то держал ее связанной?

Волк внутри Северина взрыкнул, а потом заскребся, просясь наружу. Мысль о том, что девушку кто-то мог удерживать силой, привела его в бешенство.

И волосы у нее выглядели более чем ужасно. Измочаленные, разной длины. Как будто их не остригли, а просто оторвали или перегрызли. Они торчали в разные стороны грязными прядями, и часть из них облепила ее лицо.

Почти не дыша, Северин отвел в сторону эти пряди. Его ладонь казалась слишком большой по сравнению с ее худеньким личиком. И волна щемящей нежности затопила его, заставив невольно вздрогнуть. Внутренний волк тоскливо завыл, продолжая скрести лапами свою невидимую темницу.

Черт. Что происходит?

Только что он горел от похоти, и все его мысли были только о том, как приятно войти в ее тело. А теперь сходит с ума от потребности схватить ее на руки, прижать к себе и никогда не отпускать!

Минуту назад его волк хотел подмять под себя эту самку, а теперь видит в ней едва ли не собственного щенка, которого нужно оберегать всеми силами.

Он определенно сходит с ума...

Или не сходит?

Что-то было не так.

Запах девушки казался слишком сладким, слишком завораживающим. Словно принадлежал не человеку, а экзотическому цветку, чей аромат предназначен одурманивать разумы. Он манил прикоснуться к ней, сделать своей, спрятать ото всех, точно она была редчайшей драгоценностью...

Да, вот оно что. Драгоценность...

Он уткнулся носом ей в шею, туда, где билась тонкая жилка, втянул ее аромат. Еле удержался, чтобы не впиться зубами, не пометить, не сделать ее своей.

Нет, пока еще рано.

Но раз уж она попала ему на пути, он сделает все, чтобы она принадлежала только ему. Сокровище, о котором мечтает любая стая, любой самец. Любой лугару.

Омега.

Потом он выяснит, как она здесь оказалась. А сейчас пора убираться. Если, конечно, они вдвоем не желают давать показания в полицейском участке.

Звериный слух уловил визг полицейских сирен, приближавшихся к клубу. Кто-то, видимо, что-то заметил и позвонил стражам порядка. Времени было в обрез.

Подхватив девушку на руки, Северин двинулся вдоль сетки, отгораживавшей задний двор. Сейчас он был не в том виде, чтобы появляться на люди: голый мужик с полуобнаженной девушкой на руках. Таким прямая дорога в психушку, или в маньяки – все зависит от фантазии очевидцев. Он прибыл в этот город под личиной обычного человека, мелкого бизнесмена,

разъезжающего по делам своей фирмы. Вот, пусть все так и остается. Не стоит пугать обывателей.

Сетка закончилась на углу кирпичного здания автозаправки. Здесь в тени виднелась небольшая аккуратная клумба, поросшая мягкой травой. Северин уложил девушку на траву и осторожно похлопал по щекам.

– Давай, малыш, просыпайся...

Она тихо вздохнула.

– Вот так. Открой глазки. Нам нужно спешить.

Бледные веки с голубыми прожилками затрепетали. Ресницы вспорхнули вверх, будто крылья бабочки, и два взгляда встретились, впившись друг в друга. Женский – с неописуемым ужасом, мужской – с ненасытной жадностью, стараясь вобрать в себя образ, который видит.

Мирослава в панике вздрогнула. Незнакомый мужчина навис над ней так низко, что она почувствовала его дыхание на своих губах. Толстая платиновая цепь, на которой висел маленький ключик, мерно покачивалась у нее перед глазами. Девушка пару мгновений не могла оторвать взгляд от ее завораживающего движения, а потом дернулась прочь. Но сильные руки в ту же секунду сжали ее плечи и пригвоздили к земле.

– Не бойся! – произнес он твердым шепотом. – Я не причиню тебе зла.

Ее страх его раздражал.

– Кто... вы?.. – еле слышно выдохнула она, боясь посмотреть на него.

– Все потом. Сейчас пора уходить, но ты должна мне помочь. Хорошо?

В его тоне сквозила такая мощная, непоколебимая сила, что она невольно кивнула.

– Вот так, молодец, моя девочка.

Моя девочка. Ему определенно нравится так ее называть...

Он ободряюще улыбнулся. Помог подняться на ноги. Мирослава задрожала и отвела взгляд, увидев, что он совершенно голый. Потом тихо ахнула и опять едва не упала.

– Вы! – голос сорвался.

Он успел ее удержать.

– Что случилось?

– Вы! Я видела, как вы...

Она закусила губу. Боже, что она мелет? «Вы только что превратились из волка в человека!» – это то, что она хотела сказать? Да у нее просто галлюцинации!

Ну конечно! Ее кто-то накачал наркотой и бросил в лесу. Вот почему она ничего не помнит. Сейчас так называемый «кайф» пройдет, сознание очистится и память вернется. А еще исчезнут все галлюцинации и этот голый мужик тем более!

Она скосила взгляд на него.

Какой он огромный... И совсем не похож на галлюцинацию, скорее, наоборот, слишком уж материальный.

Мужчина был настолько высок, что она едва доставала ему до груди. Под гладкой кожей рук и ног перекачивались рельефные мышцы, мощную грудь покрывала поросль серебристых волос, убегающая тонкой дорожкой вниз до самого паха... Взгляд Мирославы замер на кубиках пресса, таких четких, будто неведомый скульптор вырезал их резцом. Смотреть ниже она не решилась.

Девушка громко сглотнула. Мощь незнакомца ее подавляла.

– Не нужно меня бояться, – сказал он, почти не размыкая губ. – Посмотри на меня.

Последнее предложение содержало приказ. Судорожно втянув воздух, девушка подчинилась. Их взгляды снова встретились. Она почувствовала, как его ладони легли ей на плечи, будто он хотел передать ей часть своей уверенности и силы, а потом опять услышала его тихий и твердый голос:

– Я не враг, я не сделаю тебе больно. Ты поняла? Ты мне веришь?

Она с задержкой кивнула. А что еще оставалось?

У него оказались чуть раскосые голубые глаза, осененные светлыми ресницами, широкие светлые брови, высокие скулы, прямой нос и квадратный подбородок с ямочкой, покрытый легкой серебристой щетиной. И длинные, до плеч, волосы. Настоящий нордический блондин.

– Вот так, молодец. Сейчас мы пойдем к стоянке. Мой байк стоит в стороне, я тебе его покажу. Ты когда-нибудь ездила на мотоцикле? Завести сможешь?

Она опять кивнула. Да, ездила. Да, сможет. В селе каждое лето парни гоняют на мотоциклах, половина из которых собрана вручную из старых запчастей. Ну и девчонки с ними. Других развлечений, не считая дискотеки по выходным и единственной кафешки, там отродясь не видали.

– Вот ключ, – мужчина снял с себя цепь и одел ей на шею.

Мирослава молчала, боясь шелохнуться. Все происходящее казалось ей продолжением какого-то дурацкого сна. Она все ждала, что сейчас, буквально в следующую секунду, что-то произойдет. Этот кошмар закончится, а она проснется в своей кровати, у себя дома. И не будет ни этого странного незнакомца, ни леса, ни тех ублюдков, что напали на нее. Ничего. Только ее комната и обои в мелкий цветочек.

– Ты меня слышишь?

Его голос ворвался в ее затуманенный разум будто издалека.

– Что? – словно в трансе, она скинула на него расфокусированный взгляд.

– Я спрашиваю, ты все поняла?

– Байк... да, поняла...

– Повтори, что я сказал?

Он смотрел жестко, без тени участия. Его пальцы сильнее сжали ее плечи, почти причиняя боль.

– Сесть на байк, включить зажигание и выехать со стоянки, – словно робот повторила она.

– Умница. Я прослежу, чтобы тебе не помешали. Идем.

Он был бос, как и она, но в отличие от нее не поджимал пальцы на каждом шагу, видимо, его совершенно не волновали мелкие камешки и мусор, на которые он наступал. Мирослава поежилась. Ночной холод заставил ее покрыться мурашками. Но, удивительное дело, она ощущала тепло, идущее от тела незнакомца, хотя он шел на расстоянии вытянутой руки от нее. Она ощущала его тепло, его мощь, его силу. Его непоколебимую уверенность в том, что он держит все происходящее под контролем...

– Смотри! – его рука заставила ее замереть. – Крайний в третьем ряду слева. Видишь?

Она кивнула.

– Давай. Через пять минут здесь будет полиция.

Она хотела спросить, откуда он это знает, но не успела. Сама услышала далекий вой сирен.

– Бегом! – он шлепнул ее пониже спины, и она, подпрыгнув от неожиданности, бросилась вперед, в сторону его байка, припаркованного на краю автостоянки.

Глава 3

Мирослава действовала, будто на автомате. В голове – пустота. Тело – единый механизм, подчиняющийся заданной программе. Даже мысли не мелькнуло о том, что ее в таком виде могут увидеть посетители клуба. Словно в этот момент в мире не существовало ничего, кроме нее, дороги и этого огромного серебристого «Кавасаки», чей бак украшали темно-синие молнии. А еще тихого, уверенного голоса, который продолжал все так же шептать: иди, не бойся, я присмотрю.

Она почти не таилась, когда оседлала огромный монстроподобный байк и вставила ключ в замок зажигания. Какие-то люди, увидев ее, что-то закричали, начали тыкать пальцами. Но ей было плевать. В лицо ударил прохладный предутренний ветер. Она оглянулась. Небо над клубом порозовело – занимался рассвет.

Мирослава уже выруливала со стоянки, когда с другой стороны к клубу подлетела полицейская «Лада», сигналив мигалкой на крыше.

Северин проследил за ней взглядом, оставаясь в тени. Он перекинулся, стоило девушке лишь добраться до мотоцикла. Острый слух позволил лугару почувствовать приближение полицейской машины еще за несколько километров, но сейчас, когда стражи порядка уже были здесь, ему следовало проявить осторожность.

Крадучись, почти на брюхе, он прополз вдоль сетки, заменявшей забор на заднем дворе. Нашел место, где она неплотно прилегал к земле. Пара движений мощными лапами – и лаз увеличился. Огромный, размером с теленка, серебристо-белый волк нырнул в него, чтобы уже через секунду мчаться вдоль трассы вслед за собственным чоппером. (Чоппер – англ. *chopper* – от англ. «*чор*» – рубить. Вид мотоциклов с удлиненной рамой и передней вилкой. Зачастую это серийный мотоцикл, подвергшийся переделке для уличных гонок. У Северина чоппер марки «Кавасаки».)

Между тем Мирослава пыталась справиться с монстром, на котором сидела. Слишком мощный, слишком необычный. Она таких еще не встречала. Он словно жил своей жизнью, отвергая любые попытки им управлять.

Мимо пролетали деревья, слившиеся в одну зеленую полосу. С каждой минутой ночной сумрак отступал, и становилось все светлее. Нужно было решать, что делать.

Перед внутренним взором возник образ серебристого волка, превращающегося в человека.

Нет! Это чертова галлюцинация! Такого просто не может быть! Волки не превращаются в людей, если только действие не происходит в каком-то долбаном фильме ужасов. Не разгуливают по байкерским клубам, нападая на подвыпивших идиотов. И уж тем более оборотни не дают незнакомым полуголым девицам ключи от собственных байков!

Она подумает об этом потом, когда окажется в безопасности.

Безопасность...

Как она может думать о безопасности, если даже не знает, что с ней произошло? Все ее воспоминания обрывались на том моменте, когда она села в автобус. Точнее, она даже не помнила, что это был за рейс, только сам факт своего присутствия в этом транспорте и то, как бабушка, стоявшая на платформе, махала рукой и утирала слезы.

Куда она должна была ехать? Как оказалась в этом лесу? Что с ней случилось?

Память молчала.

Трасса вела на северо-запад, Мирослава определила это по солнцу, которое уже показалось над верхушками деревьев. Мимо пролетали щиты с указателями, но она не успевала читать, а снижать скорость боялась. Ей все казалось, что она слышит позади звуки полицейской

сирены, человеческие крики и запах крови, преследовавший ее все это время. А еще тяжелый, подавляющий волю запах зверя.

Волки же, вроде, должны вонять мокрой псиной?

Она не была в этом уверена, ведь до сегодняшнего дня видела этих животных только по телевизору и на картинках. Но этот волк не пах совершенно. Точнее, от него исходил какой-то особый запах, заставляющий ее ощущать себя крошечной и никчемной, но это, определенно, не был запах собаки.

И она ощущала его не обонянием, а совсем другим чувством, названия которому пока не могла придумать.

Трасса неожиданно раздвоилась. Основное шоссе продолжало бежать на северо-запад, а влево от него, через поля с колосющейся пшеницей, пролегла грунтовая дорога с двумя глубокими колеями. Мирослава бросила взгляд на счетчик. Бак был полон почти под завязку. Неужели удача ей улыбнулась?

В конце концов, тот тип не говорил, куда именно она должна ехать...

Недолго думая, Мирослава немного притормозила, делая поворот, и через пару секунд байк, так щедро выданный ей незнакомцем, запрыгал по кочкам.

Северин предполагал, что девчонка захочет сбежать. Да любая бы на ее месте поступила именно так. Но мысль о погоне только подзадоривала серебристого волка. Возбуждала в нем охотничий инстинкт, свойственный каждому хищнику.

Девушка оказалась с загадкой. Лихо справилась с его байком, будто только и делала, что всю жизнь разъезжала на мотоциклах. И это несмотря на то, что была безумно напугана. А еще, судя по ее поведению, абсолютно не в курсе, как вести себя в присутствии альфы.

Впервые увидела лугару?

Что ж, вероятно.

А знает ли о том, что сама человек только наполовину?

Волк втянул носом воздух.

Маленькая шалунья!

Свернула с трассы, надеясь его обхитрить? Неужели почувствовала, что он идет следом?

Зверь издал приглушенный рык. Стало слишком светло, чтобы он беспрепятственно мог продолжать погоню. Он уловил звук транспорта, приближавшегося со стороны города, а расстояние между ним и беглянкой не сокращалось.

Свернув с асфальта, волк нырнул в прохладу лесополосы, тянувшейся вдоль шоссе. Замер, задрал морду вверх. Из его пасти вырвался тихий вой. Такой тихий, что его услышали только те, кому он предназначался.

Серебристая шкура мелькнула между деревьев. Теперь он неслился напрямую через подлесок, подгоняемый бурлившим в крови азартом. Его добыча была так желанна! И он не собирався ее упустить.

...Примерно в двадцати километрах от байкерского клуба, в пикапе «Тойота», с вечера припаркованном на обочине, трое парней отложили затертые карты и вышли, услышав молчаливый приказ. В утренней тишине они деловито разделись, аккуратно сложили одежду на заднем сиденье, и через секунду три огромные четвероногие тени скользнули в пшеничное поле, растянувшееся вдоль дороги. Четвертый, оставшийся за рулем, тихо завел мотор...

А Мирослава сражалась с байком, который так и норовил сбросить ее с кожаного седла. Скорость пришлось существенно сбавить – дорога оставляла желать лучшего. Байк то подпрыгивал на ухабах, то едва не валился набок, то взбрыкивал, точно необъезженный конь.

В очередной раз попав передним колесом в яму, Мирослава выругалась сквозь зубы. Выхлопная труба жалобно заскрежетала, обдирая бок о придорожные камни. Только бы она не отвалилась прямо здесь, посреди поля! Неужели судьба может быть так жестока? За что?

Слезы мешали. Они были крупные, как горох, и катились без остановки. Нужно было отпустить руль и вытереть глаза, но Мирослава боялась.

Странный звук заставил ее оглянуться. За спиной дорога была пуста.

Но она же его услышала? Вот, опять. Такой тихий, далекий вой. Так не воют собаки...

Мелкая дрожь пронзила все ее тело, заставляя встать дыбом мелкие волоски и покрыться кожу мурашками. Ладони моментально вспотели.

В этом вое звучал приказ. Твердый. Безапелляционный. Такой, какому нельзя не подчиниться.

Рассудок забастовал. Он не желал подчиняться приказам. Он требовал надавить на газ и мчаться прочь отсюда, пока хватит бензина. Добраться до ближайшего жилья, попросить телефон и позвонить домой. А еще лучше в полицию!

Но что-то другое, что-то, что сидело в ней глубоко внутри и пока не имело названия, хотело остановиться.

Мирослава колебалась. Она не знала, как поступить. Ее раздирали противоречия.

Все решили трое волков, выпрыгнувших из пшеницы прямо перед колесами байка.

Завизжав, Мирослава ударила по тормозам.

Байк взревел, встал на дыбы. Руль вырвался из неуверенных рук, переднее колесо завихляло. Еще секунда – и «Кавасаки» упал бы набок, пошел юзом, таща девушку за собой по земле. Но этого не случилось.

Один из волков подскочил, ударил плечом в раму, и падающий мотоцикл завалился в обратную сторону. От толчка Мирослава слетела с седла. Визжа и махая руками. Лицом прямо в землю.

Но встреча с дорогой не состоялась. Второй волк успел нырнуть под летящее тело. Девушка ударилась об его спину так, что весь воздух вылетел из легких, сползла по инерции вниз, бездумно пытаясь схватиться за волчью шерсть, и застонала, почувствовав голой попой щебенку.

Моментально сгруппировалась, уткнулась лицом в колени, прикрыла затылок руками.

Закрыла глаза.

Вот и все. Убежала... Неужели ее сожрут прямо здесь?

Волки обступили ее, принюхались. Потом, отфыркиваясь, отошли.

Мирослава тайком приоткрыла глаза.

Что, опять есть не будут?

Волки стояли всего в трех шагах. Два серых с подпалинами, третий – бурый. И такие огромные, как и тот, который...

Так, не думать об этом!

Под ложечкой засосало. Желудок скрутил болезненный спазм, то ли от страха, то ли от голода.

Хищники словно что-то почуяли, шагнули ближе, заставляя ее сжаться в комок. Но не тронули. Обступили с трех сторон и спокойно улеглись, как будто собирались ее сторожить.

Мирослава несколько минут сидела, оцепенев. Потом медленно подняла голову. Обвела взглядом вокруг себя.

– Э-э-э... – из горла вырвалось только жалкое блеяние. – Х-хорошие... с-собачки...

Волки не шелохнулись. Даже ухом не повели! Словно ее здесь не существовало.

Она видела, как мерно вздымаются их бока в такт дыханию.

Нет, она не сошла с ума. Но все, что происходило, было похоже на кадры какого-то фильма. Причем совсем не романтической комедии!

Она попыталась встать.

Бурый волк вскинул голову, глухо зарычал, глядя на девушку.

Она упала назад.

Ну, все понятно. Они будут ее сторожить, пока не проголодаются. А потом поделят – кому лапка, кому крылышко...

Черт, о чем она думает?

Из груди Мирославы вырвался слабый смешок вперемешку со всхлипом.

Так, стоп. Без истерики! Ее еще не сожрали.

Со стороны трассы долетел звук приближающейся машины. Кто-то ехал сюда через поле, но, странное дело, волки только уши наострили, а с места не двинулись.

Сердце Мирославы ускорило ритм.

Люди! Неужели она сейчас увидит людей?! Неужели ее спасут?!

Она вскочила на ноги, когда из-за поворота, скрытого высокой пшеницей, показался навороченный черный джип-пикап. Заорала, махая руками. В ту секунду она не думала о волках, но они о ней не забыли.

Пикап замер в пяти шагах от их живописной группы. Водитель заглушил мотор. Хлопнула дверца.

Волки поднялись. Они были абсолютно спокойны, словно ждали того, кто сидел в этом автомобиле.

Мирослава судорожно вздрогнула. Открыла и закрыла глаза.

Нет, ей не мерещится.

По разбитой дороге от пикапа в ее сторону направлялся тот самый блондин.

Только теперь на нем были потертые джинсы с широким ремнем, ковбойские сапоги и клетчатая рубашка, небрежно застегнутая на пару пуговиц. А еще на его лице блуждала многообещающая усмешка, от которой у Мирославы ослабли колени.

Чертов ковбой!

Глава 4

Она была в полнейшей прострации, когда на ее глазах все три волка покрылись мерцающим туманом и начали превращаться в людей. Все, что ей хотелось в тот момент, это упасть в обморок или, на худой конец, убедить себя в том, что все это всего лишь плод ее воображения.

Но даже такой возможности ей не дали.

Она позволила взять себя за руку. А что ей еще оставалось делать?

– Быстро бегаешь, – усмехнулся блондин, когда ее маленькая ручка утонула в его огромной ладони, – я оценил.

– Что... – она отвела глаза от трех обнаженных мужчин, весьма, надо заметить, крупных и красивых мужчин, которые преспокойно натягивали штаны прямо перед ней, – что вы делаете... со мной? У... убьете? – голос сорвался в постыдный всхлип.

– Что-о? – брови блондина взлетели вверх в искреннем недоумении. – Ты решила, что я... Черт!

Он сплюнул с нескрываемой злостью.

– Слушай, – сжал ее руку сильнее, – тебя никто не обидит, поверь. С нами ты в безопасности!

Она хотела ему поверить. Хотела. Но не могла.

Что-то сидело внутри нее, какое-то то ли забытое воспоминание, то ли неосознанное предчувствие. И это что-то шептало: нет, нельзя верить незнакомым парням, которые превращаются в волков и голышом разгуливают среди бела дня!

– Садись, – блондин открыл дверцу пикапа и кивнул на заднее сиденье, – поговорим по дороге.

Она обвела глазами остальных участников этой сцены. Водитель «Тойоты» смотрел на лобовое стекло с таким видом, будто там было написано что-то чрезвычайно важное для него. Остальные трое продолжали неспешно одеваться, даже не глядя в ее сторону. Блондин нетерпеливо мотнул головой:

– Да садись уже! Я не кусаюсь. Почти, – последнее слово он сказал очень тихо, но Мировслага услышала и вздрогнула, что не укрылось от его взгляда.

Его лицо стало хмурым.

Девушка боялась его.

Северин чувствовал ее страх, ее недоверие. Он использовал свои способности альфы, чтобы успокоить и приструнить зверя, спящего в ней. Но ее волчица была чересчур слаба, чересчур глубоко запрятана, чтобы он смог до нее достучаться. В этой девушке было слишком много человеческого, чтобы вот так, с наскока, можно было разбудить древний инстинкт.

Ну ничего, он сделает это позже, когда останется с ней один на один. Сейчас же лучше подумать о том, как скрыть собственную проблему, причем весьма не маленькую проблему, упиравшуюся в пуговицы джинсов.

А еще пришла самодовольная мысль, какой он все-таки дальновидный. Как чувствовал эту встречу заранее! Иначе, почему в этот раз взял с собой именно тех, кто уже обзавелся не только парами, но и щенками? Для этих парней его омежка не представляет ценности, как сексуальный объект. Для них она очень редкая драгоценность. Маленькая, хрупкая, нуждающаяся во внимании и заботе. Нуждающаяся в опеке. Светлая звездочка, способная принести удачу всей стае. А Гервазе это ох как нужно, особенно, учитывая то, что натворил предыдущий альфа.

Северин отбросил неприятные воспоминания. Так, сейчас не время думать о прошлых грехах. Сейчас нужно выяснить, кто эта крошка, знает ли о своих генах, откуда здесь взялась,

а главное... Кто тот самец, что осмелился ее поиметь, но при этом не сделал своей, не оставил брачную метку?

При мысли о неведомом сопернике в груди лугару зародилось глухое рычание. Он почувствовал, как напряглись его мышцы, словно перед прыжком, как выдвинулись клыки.

Нет, он пометит ее сразу же, как только они окажутся наедине. Не будет ждать подходящего момента, не будет просить, уговаривать, добиваться расположения. Все это можно сделать потом.

Просто возьмет ее, как положено альфе. Войдет в ее тело. Вонзят зубы в ее сладкую плоть, в то местечко возле ключицы, которое так одуряюще пахнет.

Он будет вбиваться в нее, пока не наполнит. Пока не придет облегчение. И, если ему повезет, он почувствует отклик. Тот самый, который навсегда привяжет ее к нему...

Она все же забралась в машину. Покорно ссутулилась, положила руки ладонями на колени. Нагнула голову, от чего волосы упали, закрывая ее лицо и обнажая тонкую шею. Такую хрупкую, что, казалось, сожми ее сильнее – и она переломится.

– На вот, укройся, – блондин вытащил из-за ее спины большой клетчатый плед. – И не трясись, как заяц. Сказал же, никто тебя не тронет!

В его голосе явственно слышались недовольные нотки.

– Альфа, куда теперь? – подал голос водитель.

Альфа? Что за дурацкое имя? Или это кличка у него такая?

Байк закинули в кузов, и трое парней, одевшись, уселись на заднем сиденье по обе стороны от сжавшейся Мирославы. Два русоволосых и похожих, как братья – с одной, а с другой – тот, у которого волосы цветом напоминали светлую медь. Два серых волка и один бурый.

– Возвращаемся в гостиницу, собирать вещи, – блондин запрыгнул на сиденье рядом с водителем, захлопнул дверцу и оглянулся. Мирослава почувствовала на себе его странный, голодный взгляд. – Контракт мы вчера подписали, обмыли, так что оставаться здесь больше незачем. Теперь – в «Мальву», навестить старого друга.

Машина плавно двинулась с места.

Мирослава поежилась, плотнее заворачиваясь в плед. Поджала босые ноги. Парни ее не трогали, только осторожно принюхивались и почему-то довольно жмурились, будто она была куском торта или, что более вероятно, куском жареной вырезки с ароматной румяной корочкой. Девушка тоже незаметно уткнула подбородок себе в грудь и принюхалась. Может, от нее чем-то воняет?

– Кстати, – услышала она голос блондина. Нордический красавчик развернулся в кресле и теперь смотрел на нее поверх кожаной спинки. – Пора бы и познакомиться. Северин.

Уголок его четко очерченного рта слегка дрогнул, и у Мирославы что-то сжалось внутри. Какая-то тугая пружина, готовая выстрелить в любой момент. Ниже пояса разлилось тепло.

Мирослава икнула. И тут же почувствовала, как краска стыда заливает ее щеки.

– Ми... Мира... – тихо выдохнула она, пряча глаза. – Мирослава...

– Красивое имя, тебе идет, – Северин ответил подбадривающей улыбкой. – Это Алекс и Ром, – он указал на парней слева от нее, – а это Игорь, – кивнул на рыжего.

Северин говорил так, будто вокруг не происходило ничего из ряда вон выходящего. Будто они встретились за чашечкой чая, где-нибудь в уютном кафе, и он знакомит ее со своими друзьями. Мирослава начала сомневаться в собственной адекватности. Может, с ней и правда что-то не так? Может, все эти волки и голые мужики просто привиделись?

Она украдкой покосилась на рыжего Игоря. Тот ответил такой радушной улыбкой, что его зеленые глаза превратились в узкие щелочки.

– Узвар хочешь? – протянул ей маленький термос. – Сами варили. Теплый еще. Нет, это не могло происходить с ней в реальности! Это просто дурацкий сон!

Мирослава кивнула. Но только после того, как увидела молчаливое разрешение, прозвучавшее во взгляде блондина. Протянула чуть дрожащую руку. Игорь на ее глазах отвинтил крышку термоса, налил в нее темную пахучую жидкость, от которой поднимался парок, и подал ей.

Девушка осторожно пригубила. Точно, узвар. Совсем как тот, что делает бабушка. Яблочки, груши, высушенные сливы... какие-то ягоды...

– Там еще брусника и клюква, – пояснил Северин, когда она оторвала от пластмассовой чашечки задумчивый взгляд. – Ты же различаешь все оттенки вкуса, не так ли?

Она кивнула.

– И все запахи?

Опять кивнула.

– И слух, и зрение у тебя лучше, чем у других людей?

Еще кивок, уже с нарастающим удивлением.

– А никогда не задумывалась, почему?

Мирослава пожала плечами.

Почему же, задумывалась, особенно в детстве. Возможно, если бы она жила в большом городе, а не в селе, ее таланты были бы замечены, оценены по достоинству и развиты. А так... Бабушка с дедушкой всегда заставляли ее скрывать свои необычные способности. Повзрослев и став поумнее, она решила, что родные правы: проще всего не выделяться из общей массы, чтобы не прослыть белой вороной. Слишком уж неприязненно в ее школе относились к тем, кто хоть чем-то отличался от коллектива.

– Как ты оказалась возле байкерского клуба в таком виде? – тон Северина утратил беспечность. – И кто были те ублюдки? Ты их знаешь?

– Нет, – она мотнула головой, нахмурилась, – я не помню...

– Чего не помнишь?

Она не знала, как это сказать, не могла подобрать нужных слов. Все слова, что вертелись в ее голове, казались какими-то слишком пафосными, слишком претенциозными, что ли.

– У меня... амнезия? – она скользнула робким взглядом по лицам парней, избегая встречаться глазами. – Провал в памяти?

У нее был такой голос, словно она вот-вот собиралась заплакать.

– Игорь, еще налей, – Северин кивнул другу, тот с улыбкой плеснул девушке еще немного узвара.

Мирослава залпом опустошила стаканчик. Зубы клацнули о пластмассовый край. Так, пора успокоиться.

– Что ты имеешь в виду под амнезией? – услышала она голос Северина. – Ты не помнишь, как там оказалась?

– Нет...

– А что помнишь?

– Почти ничего... Лес помню. Как бежала по лесу, тоже помню. А потом увидела автозаправку и мотоциклы... Хотела один забрать, – ее голос понизился до шепота. Все-таки признаваться в несостоявшемся угоне оказалось не так-то легко. – А эти парни заметили...

– Вот оно что.

Он пару минут помолчал, что-то обдумывая, а она в это время кинула быстрый взгляд на окно. Куда они едут? Точнее, куда везут ее? Затемненное стекло не давало рассмотреть подробности. Одно она поняла точно: машина выехала на трассу и прибавила скорость, обгоняя другие автомобили, попадавшие на пути.

– А то, что было раньше, ты помнишь? Где живешь, сколько тебе лет, кто родители?

– Да. Я у бабушки жила в Запорожской области, – она огляделась в поисках места, куда бы можно было всунуть стаканчик и слабо улыбнулась рыжему, когда он забрал его у нее. Тонкие пальцы девушки, почувствовав пустоту, схватились за край пледа, как будто ей жизненно необходимо было сейчас за что-то держаться. – В том году школу закончила, одиннадцать классов...

– Тебе шестнадцать? – блондин недовольно сдвинул брови, буравя ее пристальным взглядом.

Только не хватало, чтобы эта девчонка оказалась малолеткой! Северин не желал примерять на себя роль педофила, а ведь его тело недвусмысленно говорило, что он испытывает к этой малышке. Похоть. Самую настоящую животную похоть в ее первозданном виде. Особенно сейчас, когда сидел с ней в ограниченном пространстве салона автомобиля.

– Нет. Восемнадцать... я поздно в школу пошла...

Говорить о том, что два года провалялась по больницам с переломами и ожогами, ей не хотелось. Как и вспоминать о родителях. Это была та часть ее прошлого, которую она скрывала от всех, тщательно изгоняла из памяти, но не могла изгнать насовсем. Иногда жуткие воспоминания возвращались, неся с собой леденящий ужас. Обычно это случалось на молодую луну, по ночам, и тогда она просыпалась в холодном поту, задыхаясь от собственного крика.

– Так, хорошо, – он позволил себе облегченно выдохнуть. Ее возраст его устраивал. – Что еще помнишь?

– Ну... я помню, что после школы пошла работать... хотела накопить на учебу.

– Где учиться собиралась?

– В Киеве.

Да, именно там, теперь она вспомнила. Хотела поехать в столицу, учиться в престижном вузе. А почему бы и нет? Особенно учитывая, что в ее аттестате было «одиннадцать» только по английскому языку, все остальное – «двенадцать», да и экзамены она сдала на «отлично». У нее был шанс поступить на бесплатное отделение, и она не собиралась его упускать. Мечта любой сельской девчонки – вырваться из этого плена, уехать в столицу, получить образование, сделать карьеру. Чего-то добиться! И быть невероятно гордой от того, что всего добилась сама.

На глаза навернулись слезы. Голову заполнили картинки забытых событий.

Вот дедушка. Он кричит, что она никуда не поедет. Рывком открывает шкаф, сгребает ее вещи в охапку, куда-то уносит.

Вот бабушка. Она плачет. Просит подумать, говорит, что боится ее отпускать. Столица ведь так далеко, там столько ужасов и соблазнов, только и ждущих наивную провинциалку.

Вот еще знакомые люди: соседи, подруги, директор школы, учителя. Все они в ее голове говорили одновременно, наполняя сознание своими голосами, в которых она то слышала слова одобрения и напутствия, то, наоборот, предостережение и недоверие. Они смешались в одну бессмысленную какофонию, в которой рассудок Мирославы начал тонуть, как в болоте.

– Эй! Эй, что с тобой?! – чей-то встревоженный голос ворвался в ее сознание, разбивая паутину нахлынувших воспоминаний. – Парни, дайте воды!

Она почувствовала, что валится набок. Нет, не упала. Кто-то поймал, удержал. В губы ткнулось пластиковое горлышко бутылки, и Мирослава, захлебываясь и обливаясь, начала глотать шипучую минералку.

– Голова закружилась, – она виновато взглянула на Северина, который смотрел на нее с нескрываемой тревогой в глазах.

– Когда ты ела последний раз?

– Не помню...

– А где сейчас находишься, знаешь?

Ясное дело, он спрашивал не о машине.

– Нет...

– Это Волынская область. Мы в двухстах километрах от польской границы.

Она застыла, едва не подавившись водой. Уж расположение областей помнила точно, еще по урокам географии. Где Волынь, а где Запорожье... Как ее сюда занесло?!

– Я... – она задрожала, почти плача от собственного бессилия, – я ехала... в Киев...

Автобус, перрон областной автостанции... Бабушка на перроне, рыдающая так, будто отправляет ее на смерть. Неужели почувствовала заранее, что с внучкой что-то случится? Нет, это было бы слишком!

– Когда? – Северин подался вперед, заставив кресло печально скрипнуть. Спинка опасно накренилась. – Я спрашиваю, когда? Месяц какой?!

– И... июнь...

– Сейчас август!

Лучше бы он сказал, что собирается ее съесть!

Глава 5

Вскоре по обе стороны дороги начали попадаться одноэтажные сельские домики.

– Через полчаса будем на месте, – лаконично заметил Северин.

Запах девчонки наполнял салон автомобиля сладким облаком, заставляя внутреннего волка нетерпеливо повизгивать. Тот был бы рад сейчас вырваться наружу, перепрыгнуть через спинку кресла и уткнуться мордой ей между ног. Втянуть в себя ее аромат. И то человеческое, что сидело в нем, с трудом сдерживало инстинкты.

Хорошо, что он догадался сесть спереди! Иначе завалил бы ее прямо там, на глазах у парней. Руки подрагивали от желания сорвать этот дурацкий плед, который он сам же ей и дал. Хотелось открыть ее тело, смотреть на него, трогать, вдыхать аромат ее кожи...

Она словно что-то почувствовала. Поежилась, сильнее стискивая ножки. Северин непроизвольно сглотнул.

Нет, с этим нужно что-то делать, черт побери! Иначе он превратится в маньяка.

Но делать ничего не хотелось. Точнее, очень хотелось только одного – почувствовать, как его горячая твердая плоть войдет в ее влажное лоно...

Увидеть, как она будет лежать, обнаженная для него, раскинув свои прелестные ножки... Увидеть, как в нетерпении будет облизывать губы и тихо просить, чтобы он взял ее...

Картинки были такими яркими, такими правдоподобными, что полоска шерсти на спине Северина встала дыбом, и, казалось, вся кровь прихлынула к паху. Член уперся в ширинку, ткань натянулась так, что металлические пуговицы с трудом удержались на своем месте. Еще чуть-чуть – и они разлетятся по всему салону, выпуская на волю его вздыбленный член!

Определенно, с этими мыслями нужно было срочно что-то решать.

Сердце кольнуло воспоминание, которое он хотел бы забыть.

Еще недавно он точно так же, с таким же безумием хотел другую...

Нет, не думать об этом. Забыть. Не травить душу воспоминаниями. Та, другая, давно умерла. Ее нет. И на этом все. Точка.

– До города двадцать минут, – лаконично проинформировал водитель.

Северин бросил на него короткий взгляд.

– Спасибо, Йен. Ты не мог бы прибавить скорость?

– Не мог бы, – Йен флегматично пожал плечами. – Через три километра пост ГАИ.

Северин шумно выдохнул.

Черт, он так увлекся своими эротическими фантазиями, что вообще позабыл о реальности. Нужно взять себя в руки. Парни косятся с понимающими ухмылочками. Они, конечно, вслух ничего не скажут, все-таки субординацию никто не отменял, но вряд ли кто-то из них еще не учуял запаха возбуждения, исходящего от их альфы.

– Мира, – в голосе прозвучала странная хрипотца, – сейчас мы едем в один городок. Мы там снимаем номер в гостинице. У тебя будет возможность помыться, поесть и выспаться перед дорогой. Скажешь, что тебе нужно – мы все достанем.

Она захлопала ресницами, словно не понимая, что он ей говорит. Поерзала, устраиваясь поудобнее. Северин голодными глазами смотрел на нее и ничего не мог с собой сделать. Определенно, она приворожила его.

– Куда вы меня повезете? – тихо спросила она. – Потом?

– Не бойся, плохого с тобой ничего не случится, – заверил он в очередной раз. – Ты же хочешь вернуться домой? – Северин дождался ее кивка. – Ну вот, молодец. Я тебе помогу.

– Вы отвезете меня домой? – она подалась вперед, широко распахивая глаза, и Северин резко отпрянул, когда ее одуряющий аромат, словно порыв ветра, ударил ему в лицо. – В Запорожье?

– Не так сразу, – прохрипел он сквозь сжатые зубы. В паху все скрутилось в один колючий комок. Отвлечься, отвлечься, не думать! – Сначала нужно выяснить, что с тобой произошло. Ты не помнишь, где была все это время?

Мирослава нахмурилась. Ее лоб прорезали тоненькие морщинки, придавая девушке озабоченный, но, вместе с тем, милый вид.

– Нет, – она расстроено вздохнула, – не помню...

– Подумай. Может, вспомнишь какие-то события или людей?

Она нахмурилась еще сильнее, но в следующий момент ее личико искривилось от боли. В глазах блеснули виноватые слезы:

– Нет... не могу... очень больно...

– Где больно? – Северин напрягся.

– Вот здесь, – она нервным жестом потеряла лоб.

– Ладно, не мучайся. Попробуем позже.

Все-таки это все выглядело более чем странно. Если один из ее родителей лугару, в чем Северин абсолютно не сомневался, то, как получилось так, что девчонка ничего не знает о своих генах? Говорит, жила с бабушкой и дедушкой? А эти бабушка-дедушка кто? Люди? Или лугару? Если лугару, то почему жили среди людей? В Запорожской области нет ни одной стаи, Северин бы об этом знал. А если они люди, то знали ли о том, что их внучка полукровка? И где родители девушки?

Столько вопросов...

Северин размышлял, бездумно поскребывая большим пальцем ямку на подбородке. Дурная привычка.

Мирослава согрелась, затихла, зажатая с двух сторон мощными мужскими телами, от которых шло успокаивающее тепло. Желудок уже не ныл, наполненный теплым уваром. Страх отступил, давая место новому ощущению. Ощущению безопасности. Кажется, она испытывала его так давно, что успела забыть, что это значит.

Веки медленно наливались свинцом. С каждой минутой голова становилась все тяжелее, все труднее было удерживать ее прямо. Мирослава то отключалась на пару секунд, то вскидывала подбородок, испуганно глядя вокруг себя. В какой-то момент она уже не смогла бороться со сном. Слишком много сил было истрачено, слишком истощенным был ее организм.

Безвольное тело девушки привалилось к плечу сидевшего справа Рома. Парень в тихом изумлении вздернул брови, бросил на альфу обеспокоенный взгляд. Тот предупреждающе сузил глаза.

Смотреть на то, как Мирослава спит, устроившись на плече другого мужчины, оказалось не просто тяжело, а практически невыносимо. Успокаивало только одно: Северин не чувствовал чужого возбуждения, только свое. Да, у него на плече она бы точно поспать не смогла. А сон это именно то, что ей нужно сейчас.

Во сне лицо Мирославы разгладилось, пухлые губы слегка приоткрылись, показывая влажную полоску зубов. Северин с трудом сдержал глухой стон. Представил, как восхитительно эти губы смотрелись бы обернутыми вокруг его члена...

Нет, это невыносимо. Он хочет ее до безумия, хочет прямо сейчас! Он сумасшедший!

– Альфа, может, давайте, мы?

Хриплое угрожающее рычание.

– Мы осторожно.

Рычание стало громче.

– Ладно, ладно!

Мирослава сквозь сон почувствовала, как чьи-то крепкие руки поднимают ее с сиденья автомобиля. И эти руки мелко дрожат. Одно мгновение – и ее с силой прижало к мощному телу. Кто-то глухо застонал, уткнувшись носом ей в шею. Это был Северин. Продолжать притворяться спящей стало бессмысленно. Она открыла глаза.

Лицо Северина исказилось: по нему прошла короткая судорога. Девушка вздрогнула, дернулась, пытаясь вырваться из его объятий, и руки альфы сжались сильнее, причиняя ей боль. Мирослава испуганно пискнула. Руки, державшие ее, тут же разжались, а мужчина, точно снесенный порывом ветра, отскочил на пару шагов.

– Извини! Извини! – тяжело выдохнул он, не разжимая зубов. Втянул в себя воздух. Сжал кулаки. Его лицо снова скривилось, словно от неимоверной муки. – Я не хотел напугать.

– Альфа? – рыжий Игорь шагнул к нему.

– Нет! – Северин резким жестом заставил его замереть. Остальные стояли рядом с машиной, ожидая распоряжений. – Мне нужно остыть.

Он обвел друзей мутным взглядом. Налитые кровью глаза, бешено бьющаяся жилка на виске, бисеринки пота на мощной шее... Его состояние не являлось секретом для остальных лугару. Только Мирослава сжалась на сиденье, испуганно поджав колени, и ничего не могла понять.

– Девушку в номер, – сквозь зубы выдавил Северин. – Устройте ее, закажите обед. Делайте, что нужно.

Развернувшись на пятках, он засунул руки в карманы джинсов и быстрым шагом направился прочь. Четверо мужчин понимающе переглянулись. Алекс рванул следом за альфой, Ром подошел к Мирославе, подал ей руку и произнес с успокаивающей улыбкой:

– Приехали, принцесса. Иди к дяде на ручки.

Из полумрака салона на него смотрели два огромных испуганных глаза.

Только теперь Мирослава заметила, что машина стоит на площади перед пятиэтажным зданием с застекленным парадным крыльцом. На бетонном козырьке, прикрывающем это крыльцо от осадков, высились огромные, выкрашенные в ярко-зеленый цвет буквы «Золотой колос».

– Где это мы? – робко поинтересовалась она, вкладывая дрожащие пальчики в теплую ладонь Рома.

Тот уверенно подхватил девушку вместе с пледом, мысленно удивляясь ее худобе. Совсем тростинка. Как будто последнее время ее вообще не кормили. А может и не кормили, одернул он себя, и вообще, это не его ума дело. Его дело охранять девушку, пока не вернется альфа.

– Это Лютава, небольшой городок, – сказал он.

Йен вернулся в кабину. «Тойота» медленно покатила прочь, в сторону автостоянки, а Игорь пошел вслед за Ромом. У стойки администратора он остановился и нацепил на лицо самую обаятельную улыбку из своего арсенала. Нужно было еще объяснить девушке-администратору, куда это его друг понес чумазую лохматую девчонку в одном одеяле.

В номере Ром усадил Мирославу на диван, а сам направился к неразобраным чемодам, стоявшим в углу. Пока девушка осматривалась, он выудил из одного чемодана спортивные штаны с белым логотипом «Nike», носки и черную футболку с лицом Дэвида Бэкхема во всю грудь.

– На вот, – протянул девушке, – думаю, альфа будет не против, если ты наденешь его вещи. Душ там, – он кивнул в сторону не приметной двери, – а я пока смотаюсь в кафе, закажу перекусить. Тебе чего взять?

Мирослава растерянно прижала к груди чужую одежду, от которой исходил пряный запах. Запах Северина. Она узнала бы его из тысячи. Перед глазами, словно наяву, возникло его лицо: четкий профиль, светлые брови по-детски «домиком», чуть прищуренные глаза и тонкие ниточки морщинок на загорелой коже, бегущие вниз от уголков глаз.

– Мирослава? – голос Рома вернул в реальность. – С тобой все в порядке?

– Д-да, – она выдавила смущенную улыбку. Поежилась.

– Ладно, не буду мешать. Я пошел.

Он ей подбадривающе подмигнул.

Когда дверь закрылась за ним, Мирослава вскочила с дивана. Бросилась к выходу. Подергала дверь за ручку.

Ну да, кто бы сомневался! Ее закрыли на ключ! Боятся, что сбежит? Да куда ей бежать?! Ни денег, ни документов...

Шальная мысль заставила замереть. Отбросив сковывающий движения плед, девушка затравленно огляделась. В номере было три комнаты, двери которых, как и дверь санузла, выходили в общую гостиную. Именно в этой гостиной сейчас находилась Мирослава. Ее взгляд привлекли чемоданы. Конечно, обшарить вещи этих странных типов было не самой удачной мыслью, но еще глупее было сесть к ним в машину и позволить себя увезти.

Она медленно приблизилась к чемоданам. Один из них стоял раскрытым, это из него Ром достал ей одежду. Чемодан Северина. Она присела на корточки, протянула руку, коснулась его вещей. Пальцы дрогнули, их словно пронзило током. Запах этого мужчины одновременно притягивал и пугал. Терпкий, чуть горьковатый, запах ветивера, кедра и бергамота. И это был не парфюм, нет, она бы сразу почувствовала. Это его природный запах так действовал на нее.

Мирослава коротко выдохнула, собираясь с силами. Нужно было сейчас же что-то решать. Еще пара минут – и эти парни вернутся. Их четверо, а она одна, и одному богу известно, что у них на уме!

Тонкие пальцы девушки нервно прошлись по сложенной в стопку одежде, нырнули в глубину чемодана. Что она там хотела найти – Мирослава не знала. Но надеялась получить зацепку. Ей нужно было знать, может ли она им довериться. Может ли доверять незнакомцам, которые, как герои фантастических фильмов, оборачиваются в волков?

А вот об этом думать вообще не хотелось!

Оборотней не существует! Вампиров тоже! И вообще она поклонница старых добрых любовно-исторических романов. Ну почему ей не встретился какой-нибудь благородный пэр голубых кровей, случайно оказавшийся у байкерского клуба вместе со своим лимузином?

Хотя, надо признать, «Тойота» тоже смотрелась неплохо.

Боже, о чем она думает!

Рот Мирославы нервно скривился. Она бы и засмеялась, если бы ей не хотелось сейчас заплакать.

Пальцы коснулись чего-то плотного, похожего на тонкий картон в бумажном конверте. Застыв, девушка сунула руку поглубже под стопку одежды. Так и есть! Там что-то лежит! Документы? Нет, не похоже...

Осторожно, стараясь не нарушить порядок вещей, она потянула находку на себя. Из-под одежды показался бумажный уголок. Так и есть, конверт. Такой, в каких пересылают документы по почте. Плотный, коричневый, с прозрачным окошечком для адреса. Сейчас в этом окошечке виднелась белая бумага. Нетерпеливым движением Мирослава вытряхнула содержимое конверта. На пол упали несколько фотографий. Она подняла одну из них, рассеянно вглядываясь в знакомые лица.

Вот Северин, сидит за столом. Свет приглушенный, на заднем плане виднеется стойка бара, какие-то люди рядом с ней. Вот Игорь и Алекс, а это Ром, сидят рядом со своим альфой,

как они его называют. У всех на лицах раскованные улыбки, позы расслабленные – парни пришли отдохнуть, о чем говорят и бокалы с пивом, и красные раки на глиняном блюде...

Взгляд Мирославы замер на мужчине, который сидел слева от Северина. Смуглый, темноволосый, с хищным ястребиным профилем и глубоко посаженными глазами. У него была запоминающаяся прическа: ультра-короткая, с выбритыми висками. Он чуть повернул голову набок, и на фото был отлично виден его правый висок, который украшала черная татуировка.

Девушку охватил странный озноб. Сердце в груди замерло, пропуская один удар, дыхание сбилось. Почти не дыша, она повернула фотографию к свету. Тарантул! У него на виске был наколот тарантул! И она уже встречала его!

Воспоминания нахлынули холодной волной, затуманивая сознание, заставляя вернуться назад во времени. Заставляя заново пережить то, что уже случилось.

...Перрон киевского вокзала. Толпа. Люди снуют, толкаются, куда-то спешат.

– Девушка, вам помочь? – молодой человек с эпатажной прической улыбается ей, подхватывает ее тяжелую дорожную сумку.

– Почему бы и нет? – она отвечает ему благодарной улыбкой. – Вы не подскажете, как дойти до троллейбусной остановки?

– Вы первый раз в столице? – он понимающе оглядывает ее, и Мирославе кажется, будто он незаметно принимает ее. – Куда именно вам нужно доехать?

Она протягивает ему бумажку с адресом общежития:

– Вот, вы знаете, где это?

– О! – он радостно улыбается. – Вам повезло! Я тоже туда.

– Вы студент? – она смеется.

– Нет, еду проведать сестру. Идемте, моя машина на стоянке с другой стороны вокзала.

– Ой, может не надо? Я вас стесню, – она неуверенно тянет за сумку в его руках.

– Какая ерунда, – он улыбается так широко, открыто, что все недоверие к нему исчезает. – Ну чем такая красавица может стеснить?..

Фотография выпала из рук Мирославы. Скрежет ключа в замке заставил вздрогнуть, напрячься. Взгляд заметался, ища пути к отступлению.

Судорожным движением она собрала все фотографии, сунула себе под футболку, подхватила с дивана чистые вещи и рванула в сторону ванны. В тот момент, когда входная дверь открылась, пропуская в номер троих мужчин, в душе уже журчала вода.

Глава 6

Сжавшись в комок в углу душа, Мирослава душила рыдания. Холодные струи били ее по спине, по вздрагивающим плечам, но она этого не замечала. Даже закрыв глаза, она не могла избавиться от воспоминаний, которые вцепились в нее паучьими лапами.

... Приветственно распахнутая дверца чужого автомобиля. Нагретый солнцем салон. Станный, сладковатый запах. Улыбка парня с тарантулом, такая искренняя, спокойная.

Головокружение.

Темнота.

...Незнакомая комната с белыми стенами. Зашторенное окно. Руки и ноги не слушаются, они словно чужие. Кто-то тянет за волосы, заставляя поднять голову вверх.

Она подчиняется, как в полусне, ничего не может понять.

Это кровать. Она лежит на кровати, поверх одеяла. И ее за руки и ноги привязали к этой кровати.

Нет, это не правда! Это все сон! Страшный сон!

Ведь такого на самом деле не может быть?

Молчаливые слезы скатываются в волосы по вискам.

– Очнулась? – над ней склоняется тот самый парень с перрона.

Нет, не парень, мужчина. Теперь она видит – ему лет тридцать, не меньше. В его глазах горит пугающий, жуткий огонь. Она что-то хочет сказать – и не может. Не может выдать из себя ни звука, как будто внезапно онемела от страха.

– Хорошая девочка, – он гладит ее по щеке. Его рука мелко дрожит, словно от нетерпения. Ладонь потная и горячая. – Ничего не бойся, теперь ты моя.

Она смотрит, как он раздевается. Что он задумал?

Вот он сбрасывает футболку, потом штаны. Она видит густую поросль, покрывающую его грудь и широкой дорожкой уходящую к паху. Видит кубики пресса, видит татуировку, покрывающую его правый бок от подмышки до бедра – черную паутину. И его толстый вздыбленный член с багровой головкой, на которой застыла мутная капля...

Понимание заставляет ее замереть, а потом забиться, словно рыба об лед. Нет, это не правда, нет, это не с ней!

Но все бесполезно.

Он намного сильнее. Его движения жесткие, четкие. Она слышит треск ткани, когда он рвет одежду на ней, чувствует, как кожу покрывают мурашки. Большое, тяжелое тело, остро пахнущее мускусом, распластывает ее, вдавливая в кровать.

А потом только боль... боль... боль... И неимоверный, панический ужас, сковывающий тело и душу...

Лучше бы она не полезла в тот чемодан! Лучше бы не видела этих фото! Тогда, по крайней мере, ей не пришлось бы заново это все вспоминать.

Подняв голову, Мирослава подставила лицо под холодные струи. Черт, кажется, она забыла отрегулировать воду. Ну что ж, ей не помешает немного прийти в себя.

Она поднялась, стянула с себя чужую футболку. Откуда она взялась? Мирослава помнила, что ее собственную похититель разорвал прямо на ней.

Нет, не похититель, насильник. Нужно смотреть правде в глаза. Ее изнасиловали и, видимо, не один раз. И все эти два месяца, выпавшие из памяти, она провела именно там. В той комнате, привязанная к кровати.

Обхватив себя руками за плечи, Мирослава привалилась к стенке душа.

Ее кормили? Пускали в туалет? Давали помыться?

Этого она пока не могла вспомнить. Да и не была уверена, что хочет. Может быть, не стоит ворошить то, что прошло? Может быть, память нарочно не хочет вытаскивать на поверхность подобные воспоминания? Хватит уже и того, что есть...

А если она забеременела?

Эта мысль пронзила ее, словно разряд тока.

Господи, почему это случилось именно с ней?

Ответа не было, да она и не ожидала его услышать.

Мокрые прямоугольники фотографий упали на дно кабинки. Она совсем забыла о них. На каждом снимке была запечатлена та же компания, только с разных ракурсов. Сомнений не оставалось, Северин и его друзья знают ее похитителя. И не просто знают, судя по всему, они с ним друзья.

Кто-то постучал в матовую стенку кабинки.

– Эй, малыш, ты там не уснула? – сквозь звук воды раздался приглушенный голос Рома. – Полчаса уже полоскаешься, а обед остывает. М-м-м, такая вкуснятина! Выползай.

– Я... – Мирослава вжалась в пластиковую стенку. Черт, что ему сказать, чтобы отстал? – Мне нужно еще десять минут.

Голос почти не дрогнул.

– Ладно, мы тебя ждем.

Это «мы» заставило ее похолодеть. Сунув в рот палец, девушка посмотрела на фотографии, плававшие у ее ног. Что теперь делать? Пусть не сразу, но эти типы заметят пропажу. Как она ее объяснит?

Выход один – нужно бежать и как можно скорее!

Но побег нужно продумать. А пока не стоит вызывать подозрения у этих...

Она даже мысленно не хотела называть их оборотнями. Мотнула головой, отгоняя лишние мысли. Покрутила краны, регулируя температуру воды, и огляделась. На блестящих никелированных полочках лежали одноразовые саше с гелями и шампунями. Как раз то, что нужно, чтобы смыть с себя всю эту грязь.

Собрав фотографии, она тщательно перервала каждую на крошечные клочки, а потом затолкала пальцем в слив. Лучше уничтожить все следы, тогда ни у кого не возникнет вопросов. А если кто-то что-то и заподозрит, так она здесь совершенно ни при чем. Главное – не выдать себя.

Сейчас же ей нужно хорошенько вымыться, переодеться в чистое и поесть. Она же бог знает сколько уже не ела...

Северин чувствовал себя последним мерзавцем. Мира казалась такой маленькой, такой беззащитной, а он думал только о том, как ее трахнуть. Разложить на любой горизонтальной поверхности или просто нагнуть, и одним ударом войти в ее тело. И что хуже всего, именно эта беззащитность возбуждала его больше всего...

По иронии судьбы гостиница находилась в самом центре этого городка, так что обратиться в волка и выплеснуть энергию в диком виде было невозможно. Оставался только один способ – найти женщину. Доступную и обожающую грубый секс, потому что на нежность Северин был сейчас не способен.

Ноги сами принесли его в небольшое кафе рядом с гостиницей. Вечерами это кафе превращалось в бар с живой музыкой, но до этого времени в нем можно было отлично пообедать.

Уютный зал на десять столиков еще пустовал. Северин прошел к стойке, уселся на высокий табурет и придвинул к себе меню. Черные строчки запрыгали перед глазами. Вместо списка подаваемых напитков мужчина видел перед собой лицо Мирославы: чуть вздернутый носик,

тонкие брови вразлет, серо-голубые глаза. Нежный овал щек, переходящий в упрямый подбородок, и пухлые, чуть приоткрытые губы, к которым так и хочется прикоснуться поцелуем. Точнее, впитаться.

Он глухо застонал, сжимая руками виски.

– Вам плохо? – подошла девушка-бармен. – Подать воды? У нас есть минеральная с газом пяти сортов, есть без газа. Какую предпочитаете?

Северин поднял голову. Миниатюрная блондинка в униформе смотрела на него с выжидательной улыбкой.

– Спасибо, воды не надо, – он прочистил горло. – Дайте пива. Безалкогольного.

– Что-нибудь еще?

– Нет.

– Одну секунду.

Наполненный пеной бокал возник перед глазами. Северин отхлебнул прохладный напиток, не замечая вкуса. Боль в паху отвлекала, не давала сосредоточиться. Он поерзал на табурете, пытаясь принять удобное положение, но это не помогало. Сейчас вообще ничего не могло помочь, разве что дикий, необузданный секс без обязательств. Совсем не то, что он хотел предложить Мирославе.

Почему он ушел?

Похоть, которую он испытывает, была вызвана ее ароматом. Наваждение, которому невозможно сопротивляться. Любой свободный самец, попадая в зону действия омеги, становится одержимым ею. И успокоить это безумство можно только одним способом – сделав ее своей.

Даже если сейчас он найдет себе женщину, это будет лишь временное облегчение. И оно не решит проблемы...

Что же делать? Вернуться? Заявить на нее права?

А она?

Как воспримет она его действия?

Или ему уже наплевать на ее чувства и мысли?

Вряд ли она будет согласна. И понимание этого заставляло Северина ощущать себя полной мразью.

И еще тот самец, чей запах пропитал маленькую омежку. Кто он? Отдалась ли она ему добровольно, или он взял ее силой?

Нет, не думать об этом... Кажется, он уже и сам не прочь это сделать...

Даже сейчас, не видя ее, не ощущая ее аромата, он не мог избавиться от этого наваждения. Оно пульсировало в его крови, билось вместе с его сердцем, затуманивало сознание, наполняло все мышцы. Заставляло его член болезненно упираться в ширинку. Очень болезненно. Внутренний волк жалобно подвывал, чувствуя все, что чувствует лугару.

В кармане зажужжал телефон. Выругавшись сквозь зубы, Северин достал мобилку, глянул на входящего абонента. Влад Корса. Старый знакомый, волк-одиночка, который по каким-то своим, только ему известным причинам, предпочитал жить отдельно от стаи. Среди людей.

Влад никогда не упоминал, какой стае он принадлежит. Вообще не любил затрагивать эту тему, словно она вызывала у него неприязнь. Но Северин не расспрашивал, он предпочитал не лезть в чужие дела, со своими бы проблемами разобраться. Ему было достаточно знать, что Влад является официальным представителем компании «Гермес», и эта компания предлагает своим партнерам международные перевозки на выгодных условиях. Влад сам позвонил в «Малгожата-трейд» – фирму, которую основал Анджей Лауш год назад на паях с Северином – связался с его секретаршей и предложил сотрудничество. Выгодное сотрудничество, если верить бумагам.

Обдумав все «за» и «против», Анджей дал добро на подписание договора. У Влада имелись обширные связи в мире людей. И он лично участвовал в каждой сделке, включая и ту, которую обмывали в байкерском клубе.

Какого черта он звонит ему сейчас?

– Слушаю!

В трубке раздался знакомый голос:

– Привет, Сев. Кажется, у нас возникли проблемы. Ты взял кое-что у меня. Не хочешь вернуть?

– Что? – Северин нахмурился. – О чем ты? Я перевел комиссионные на твой счет сразу, как только мы подписали контракт с «Гермесом». Все, как договаривались. Включая бонус. И получил подтверждение, что транзакция прошла успешно!

– Знаю. Я не об этом.

– Тогда говори толком. Я сейчас не в том состоянии, чтобы разгадывать головоломки.

На том конце линии послышался хриплый смешок.

– Что, маленькая омежка уже вскружила голову нашему альфе?

Слово «нашему» было выделено с особой язвительностью. Но Северин услышал только:

– Омежка? – он подобрался, будто хищник, учуявший дичь. – Ты о чем?

Волк внутри недовольно оскалился. Кто-то посмел заявить права на его добычу?

– Да ладно, я все понимаю, – еще один смешок. – Я шел по ее следам. До самого клуба. И твой запах там тоже учуял. Ты забрал ее, верно? Ну, так верни.

– Вернуть тебе?

Заявление старого знакомого ошарашило Северина. Но не настолько, чтобы он утратил здравый смысл. «Шел по ее следам», – что это значит? Девушка же ничего не помнит, кроме того, что каким-то образом оказалась в лесу.

– Она моя.

– Подожди. Чем ты это докажешь? Я не узнал на ней твоего запаха.

Спросить хотелось другое: как она оказалась в лесу, да еще в таком виде? Но осторожность подсказывала, об этом лучше смолчать. И о том, что девушка потеряла память – тем более.

– Конечно, не узнал. Забыл? Я же живу среди людей, вынужден маскировать естественный запах. Иначе все собаки и кошки в округе сойдут с ума!

– Так вот почему...

Северин на секунду задумался. Да, от Мирославы пахло самцом-лугару – и не больше. У этого запаха не было никаких отличительных черт, никакой индивидуальности, как будто его обладатель тщательно скрывал свою звериную сущность.

Так иногда поступали лугару, вынужденные постоянно жить среди людей. Принимали особый препарат, от которого их естественный аромат становился размытым, обезличенным, не интересным для домашних животных. Ведь всем известно, как «друзья человека» реагируют на лугару. Они чувствуют в нем хищника, причем очень опасного, от которого нужно держаться подальше.

– Значит, это был ты.

– Я.

– Но если ты взял ее... Почему не пометил? Что помешало?

– Пусть это тебя не касается, – эти слова собеседник процедил сквозь зубы. Видимо, вопрос оказался болезненным. – Говори, где вы сейчас находитесь? Я подъеду и заберу девочку. И забудем об этом инциденте.

– Инциденте? – Северину показалось, что он ослышался. – Это ты сейчас о Мирославе?

– А, так она уже назвала тебе свое имя? Что еще рассказала? Наверное, наплела с три короба, что я взял ее силой, и попросила спасти от злобного волка?

– Ублюдок! – из горла альфы вырвался дикий рык, и девушка-бармен, меланхолично протиравшая стаканы все это время, испуганно отскочила. – Так ты ее изнасиловал?

– Нет, вежливо ждал, пока она раздвинет свои прелестные ножки.

– Ты сволочь! Она же совсем ребенок!

Северин вскочил, едва не перевернув табурет. Вспышка ярости заставила его выругаться, не стесняясь свидетелей. Бросив на стойку пару смятых купюр, он бросился к выходу.

– По человеческим законам она совершеннолетняя. И вообще, она полукровка. Беспольное существо, не нужное ни в одной стае.

– Она омега!

– Моя омега. Я первый нашел ее. Так что ты мне ее вернешь.

– Даже не думай. Девочку ты не увидишь.

– Уверен?

Северин остановился, озираясь вокруг. Хотелось заорать, выплескивая наружу весь гнев и досаду, но по площади сновало слишком много людей. Черт, он должен взять себя в руки.

– Уверен, – прохрипел он в трубку.

– Тогда глянь свою почту. Я там сбросил тебе кое-что... Думаю, не нужно объяснять, что я могу с этим сделать...

Связь оборвалась. Абонент положил трубку, но уже через пару секунд пикинуло входящее сообщение, пришедшее на электронную почту. Северин открыл приложение. Фотографии.

– Вот мразь! – выдавил он сквозь зубы.

На снимках была Мирослава. Голая, распятая на кровати. Ее руки и ноги удерживали ремни, колени были раздвинуты, выставив напоказ нежную плоть. Маленькие аккуратные груди с розовыми сосками, плоский живот, выступающие ключицы... Девушка на снимках словно спала, глаза ее были закрыты, вот только, судя по выражению лица, вряд ли этот сон был приятным.

Северин не мог на это смотреть. Скрипнув зубами, он удалил снимки. Но этого было мало. Глухая ярость требовала выхода. Он набрал номер Влада:

– Чего ты хочешь?

– Мою добычу.

– И ты уверен, что я от нее откажусь?

– А у тебя, разве, есть выбор? Сев, то, что ты видел, это самые скромные снимки из портфолио, можешь поверить мне на слово.

– И что ты сделаешь с ними?

– Выложу в интернет. Кстати, она рассказала тебе, что сирота? У нее никого не осталось, кроме бабки и деда. Как думаешь, что случится, если они увидят любимую внучку в таком виде?

– Откуда ты знаешь...

– У тебя есть полчаса на раздумье. Ничего личного, альфа, сам понимаешь, инстинкт.

Связь снова оборвалась. Зарывав, Северин изо всех сил сжал телефон. Пластиковый корпус не выдержал.

– Вот дерьмо!

На асфальт упали остатки модного гаджета.

Полчаса.

Всего полчаса, чтобы убраться отсюда, запутать следы и найти выход из ситуации. Девочку он не отдаст – однозначно. Теперь она под его защитой, и под защитой парней. Они ее не дадут в обиду, да и он сам не полный мерзавец, чтобы насиловать, как бы сильно ему не хотелось.

– Альфа, у нас проблемы?

– А ты здесь какого... – Северин бросил на Алекса хмурый взгляд. – Следил? Парни отправили?

– Приглядывал.

– Я не нуждаюсь в няньке.

Голос Северина сорвался от злости.

– А я этого и не говорил.

– Ладно. Будем считать, я поверил. Идем, надо убираться отсюда.

– Так у нас все-таки проблемы?

Алекс кивнул на разбитый телефон, валявшийся под ногами. Северин молча наступил на экран, размазывая пластик по асфальту.

– В номере расскажу.

Судя по всему, случилось что-то очень серьезное. Альфа Гервазы был явно не в духе.

Глава 7

– Сваливаем отсюда!

Дверь рывком распахнулась, и в номер ворвался альфа. Лугару, которые в этот момент с аппетитом поглощали обед, моментально вскочили. Только Мирослава осталась сидеть, судорожно вцепившись зубами в булочку с маком. И сейчас она была похожа на затравленного зверька.

Северин обвел всех глазами. Уставился на девушку. Что-то сжалось внутри. Она выглядела такой хрупкой, такой беззащитной в его одежде, казавшейся на ней просто необъятной. И какой-то напуганной...

Это он ее напугал?

Черт, надо быть осторожнее. Она выглядит так, словно готова вот-вот сорваться с места и бежать со всех ног неизвестно куда.

И она это сделает, если он не возьмет себя в руки. Он не сможет ее удержать. Точнее, смог бы, но после того, что узнал... Разве он сможет опуститься до насилия, зная, что ей пришлось пережить?

А еще на ней теперь был его запах. Он исходил от одежды, смешивался со сладковатым ароматом омеги, приобретая новые волнующие оттенки. Так могла бы пахнуть его истинная пара. Точнее, так когда-то пахла его истинная пара... До тех пор, пока он ее не потерял. И от этой мысли внутренний волк альфы взвыл, прося выпустить его на волю.

Мирослава могла стать его. Его добычей, его самкой. Его женщиной. Заполнить пустоту, возникшую в его сердце. Разве он мог позволить себе причинить ей боль? Потерять ее, не успев получить? Отдать другому?

– Что происходит? – нахмурился Игорь, переводя взгляд с альфы на Алекса, который стоял за его спиной.

– Сам хотел бы узнать, – Алекс пожал плечами.

– Мирослава, – Северин уставился на девушку тяжелым, пугающим взглядом. – Ты что-нибудь вспомнила?

– Н-нет... – она вздрогнула, съеживаясь в комочек. Ей показалось, будто этот странный мужчина читает ее мысли насквозь.

– Точно? Скажи, имя Влад Корса что-нибудь тебе говорит?

Она сжала ладонями виски.

– Нет... не помню...

Руки девушки обессиленно упали на колени.

– Ладно, разберемся с этим потом, – Северин кивнул Игорю: – Здесь рядом был магазин. Ты у нас самый опытный по части женщин... Купи все, что может понадобится ей ближайшие пару недель.

– Все так серьезно?

Игорь покосился на Мирославу. Та продолжала сидеть, забившись в угол дивана. Что ж, семнадцать лет супружеской жизни, две младшие сестры и три дочки действительно делали его «о-очень» опытным по части женщин, особенно по части того, как успокаивать их истерики и ориентироваться в прокладках. Пусть у волчиц физиология была немного не такой, как у человеческих женщин, но и им были знакомы приступы ПМС. И горе тому, кто в этот момент попадал под горячую руку.

– Более чем, – буркнул Северин. – Остальные – собирайте вещи. Через полчаса мы должны быть как можно дальше отсюда.

– Вы забираете меня с собой? – раздался тихий голос Мирославы.

Северин вновь уставился на нее, чувствуя, как его хваленая выдержка начинает давать сбой. Он спрятал руки за спину, сжал кулаки. Не стоит пугать малышку, ей и так пришлось нелегко.

– Мира, тебе придется поехать с нами, – произнес он, медленно цедя каждое слово. – Ты в большой опасности.

– Опасности? – ее губы дрогнули, словно она хотела еще что-то сказать, но вовремя осеклась.

– Да. Я все понимаю, – он шагнул ближе, нагнулся, нависая над ней и втягивая в себя ее аромат. Этого было мало, безумно хотелось стать еще ближе, коснуться ее... Но это было слишком опасно. Его самообладание, как оказалось, не бесконечно. – Ты нас боишься, но поверь, есть кое-что, что может быть намного страшнее для тебя, чем компания незнакомцев, обрастающих шерстью.

Их взгляды столкнулись. И в глазах Северина застыл такой необузданный голод, что Мирослава вздрогнула, опуская ресницы. Его горящий взгляд словно прожег ее насквозь, до самого нутра, заставив что-то сжаться внизу живота. Что-то, похожее на истому.

Пару секунд Северин смотрел на нее, борясь с желанием подчинить это хрупкое тело. Потом резко отпрянул.

– Пойду, приму душ, – бросил он, отступая. – У тебя пять минут.

Только когда за ним захлопнулась дверь, Мирослава выдохнула и огляделась. Йен, Алекс и Ром с хмурыми лицами складывали чемоданы, Игорь уже ушел. Девушка дрожащей рукой взяла со стола чашку с остывшим чаем, немного отхлебнула.

– Булку тоже доешь, – голос Рома заставил вздрогнуть. – А то до обеда еще далеко. Проголодаешься.

Она кивнула, стараясь не смотреть на парней. Лучше меньше говорить и делать все, что они скажут. Тогда есть шанс, что они займутся своими делами и забудут о ней...

И что тогда? Она сбежит? Без денег, без документов, даже не зная, куда и от кого? И как далеко она сможет уйти, пока ее снова поймают? А ведь поймают же! В этом она даже не сомневалась.

Эти парни пугали ее. Хотя, какие же они парни? Хищники. Они выглядели довольно молодо, самому старшему из них можно было дать не больше тридцати, но что-то в их повадках, в их снисходительном отношении к ней, в манере двигаться, смотреть, говорить – что-то указывало, что они намного старше.

В книжках пишут, что оборотни живут дольше, чем люди. Они злобные и жестокие монстры. Но можно ли верить книжкам? Вряд ли их авторы лично встречались со своими героями и брали у них интервью... Это все выдумки, фантазии, которые почему-то вдруг стали реальностью. И почему-то именно с ней...

Северин захлопнул дверь ванной и устало привалился к ней спиной. Он чувствовал себя выжатым, как лимон. И дело было не в физической слабости. Его выдержка за последние несколько часов подверглась слишком сильной атаке. Оказывается, находиться рядом с Мирой и не сметь прикоснуться к ней – настоящая пытка. Но если он позволит себе хотя бы пальцем дотронуться до нее, у него сорвет крышу. Окончательно и бесповоротно.

Альфа сбросил с себя одежду, шагнул на поддон и включил холодную воду. Ледяные струи обрушились на его мускулистые плечи, остужая разгоряченную плоть. Он опустил голову, подставляя затылок. Вряд ли это поможет, но стоит попробовать.

Мысли о Мирославе не покидали. Ему нужно было остыть, сосредоточиться, составить план действий, но вместо этого он видел перед собой те фотографии. Хрупкое тело, выстав-

ленное напоказ. Аккуратные груди, увенчанные вишенками сосков. Тонкие руки и ноги. И то местечко, при мысли о котором у него отключался рассудок...

За всю свою жизнь он так сходил с ума только по одной женщине. Только по одной волчице. Софии Легранж.

Сладкой маленькой белой волчице, которая была его истинной парой.

Но это было давно...

Шумно выдохнув, Северин зажмурился, уперся лбом в стенку душа. Перед глазами стояла Мира, такой, какой он увидел ее на фото. Покорная. Доступная. Открытая для него. Словно наяву он ощутил на губах сладкий вкус ее кожи.

Если бы она только позволила...

Он был бы с ней очень нежен.

Он бы очень долго ласкал ее, прежде чем взять. Играл бы с ее сосками, перекатывая их во рту, легка покусывая и зализывая языком, будто две сочные ягоды, Потом целовал бы ее животик, спускаясь все ниже. Выписывал бы языком огненные узоры, от которых она бы стонала и истекала сладким нектаром. Раздвинул бы ее ножки и целовал там, очень долго и нежно, пока бы она сама не начала умолять, чтобы он ее взял.

И даже тогда он бы сделал по-своему. Перевернул бы ее попкой кверху. Дрожащую от нетерпения, согласную принять его. Готовую подчиниться...

Именно так он играл с Софией...

В дверь ванной заколотили.

– Альфа! Мы собраны, ждем только вас.

– Мать вашу! – из горла Северина вырвался рык.

Того, кто стоял за дверями, будто ветром снесло.

Северин ткнулся лбом в стену раз, другой. Мучительно застонал. Нет, не помогает. Судя по всему, он одержим маленькой омегой, и это не лечится. Либо он сойдет с ума, либо присвоит ее себе.

Но прятаться в душе до бесконечности – это не выход. Надо брать себя в руки и что-то решать.

Он выключил душ, взял с держателя полотенце. Взгляд упал на поддон. Зацепился на темном клочке бумаги, таком маленьком, что он был не больше ногтя.

Что это?

Просто мусор?

Нахмурившись, Северин подцепил пальцем клочок, поднес к свету. Похоже на уголок фотографии. Два края слишком уж ровные, сходятся в прямой угол. Бумага глянцевая, верхний слой отстает от плотной белой основы.

Вчера вечером, когда он собирался в клуб, ничего подобного здесь не было. Значит, эта бумажка появилась сегодня? Откуда?

Северин не любил загадки.

– Альфа, – за дверями раздался осторожный голос Алекса, – вам звонят.

– Кто? – Северин щелчком отправил бумажку в слив.

– Звонит Анджей Лауш. На мой номер. Говорит, ваш вне доступа.

– И что ему нужно?

– Сообщил, что уже едет в «Мальву». К вечеру будет там.

– Отлично...

Северин почти не слышал то, что ему говорили. Думал он сейчас совсем о другом.

Натянув чистые штаны, вышел из душа. Мирослава по-прежнему сидела там, где он ее видел последний раз. Только теперь на ней были обтягивающая футболочка – ярко-розовая, с непонятной надписью во всю грудь – и узкие джинсы, а на ногах – розовые кроссовки. Волосы девушки были зачесаны в высокий хвост, открывая чистый овал лица и нежную шею. Она

сидела так, что свет из окна золотил короткие пряди, выбившиеся из прически, и придавал ей сходство с ангелом...

Невинным, непорочным ангелом, которого так и хочется совратить...

Она замерла, почувствовав присутствие альфы еще до того, как увидела. Медленно подняла на него взгляд – и снова внутри что-то сжалось.

Он был очень большой. Много больше, чем она себе представляла. С мощным тренированным телом, поджарым и жилистым, как и положено волку. В одно мгновение Мирослава увидела и гладкую грудь, по которой стекали капли воды, и полотенце, небрежно закинутое на шею, и узкую дорожку светлых волос, убегающую за пояс штанов... Смотреть ниже она не решилась. Даже этого было достаточно, чтобы ощутить себя беззащитной и слабой.

Он был здесь главным. И он мог сделать с ней все, что угодно. Мог. Но не сделал.

Северин замер напротив девушки, его тяжелый взгляд уперся в ее грудь, слишком плотно обтянутую розовой тканью.

– Это что? – прохрипел он через силу.

– Эм-м... – подошел Игорь. – Вы же сами сказали купить ей необходимые вещи...

– Розовые? Облегающие?

Северин с трудом оторвал взгляд от угадывающихся под тканью сосков, уставился на рыжего лугару.

– Ну, – тот почесал затылок, – я ориентировался на вкус своих дочерей... Они же почти ровесницы.

– Ладно.

Северин отступил. Молча прошел к своему чемодану.

Надо бы дать ей что-то прикрыться, раз уж у других не хватило ума. Что-то из его собственных вещей, чтобы она опять пахла им. Пахла, как его пара.

А почему бы и нет? Его запах защитит ее от посягательств других самцов, а он сам какое-то время сможет тешить себя обманом. Представлять, что это София. Втягивать ее аромат и думать, что его белая волчица вернулась к нему.

Северин усмехнулся собственным мыслям. Нет, все-таки он ничем не лучше этого Влада. Наверное, даже хуже, не стоит себе льстить. Только такой безнадежный дурак, как он, решит, что эта девочка сможет заменить женщину, которую он боготворил.

Жаль, что на деле не все так просто. К тому же малышка явно его боится. Нет, не так. Она всех боится, всю компанию, но его – больше всего. А учитывая, что ей уже пришлось пережить, он просто свихнется от похоти, пока сможет добиться ее согласия.

Даже сейчас она не спускала с него тревожного взгляда. Буквально сверлила ему затылок, ни на секунду не давая забыть о своем существовании.

Черт! Чем он опять ее напугал?!

Северин замер. Нахмурился. Чего-то явно не хватало. Он сунул руку поглубже под стопку одежды, пошарил по дну чемодана.

Так, кажется, здесь уже побывали чьи-то ловкие пальчики. Кроме нее больше никому. Едва уловимый запах девушки пропитал его одежду в тех местах, где она касалась ее, когда обыскивала чемодан.

Что она там искала? Деньги? Ценности? Хотела сбежать? А зачем ей фотографии?

Обернулся и бросил на Мирославу внимательный взгляд. Та испуганно вздрогнула, отпрянула, буквально вжалась в спинку дивана.

Северину мучительно захотелось еще раз удариться лбом об стену. И посильнее.

Не-е-ет, он все-таки точно дурак! Непробиваемый! Как же сразу не догадался?!

Там, на этих снимках, вся их компания вместе с Владом. Только Йена не видно, он в тот вечер был за камерой. И что если девочка узнала Корсу? Узнала мужчину, который причинил ей боль? И поняла, что они с ним знакомы...

Но ведь она ничего не помнит?

Он бросил на нее еще один взгляд

А может, помнит, только не говорит?

Выяснять отношения времени уже не осталось. Но им все же придется поговорить. Лучше решить вопрос с доверием прямо сейчас, чем не спать по ночам и следить, как бы она не наделала глупостей и не сбежала.

Абсолютно спокойный, словно ничего не случилось, он поднялся и вернулся к дивану, неся в руках спортивную кофту.

– Накинь, – протянул ее Мирославе. – Поедешь с парнями в машине.

– А... ты? – она сама не поняла, зачем спросила. Разве ей это не все равно? Опустила голову, избегая встречаться с ним взглядом, избегая смотреть ему в лицо.

– Я на байке, – он усмехнулся, глядя на нее сверху вниз. Какая же она маленькая, беззащитная... Так и хочется сжать в руках. – Люблю скорость.

Зазвонила чья-то мобилка, оставленная на столе, привлекая внимание лугару. И раздраженный взгляд Северина оторвался от покорно склоненной шеи девушки. Мирослава тихонько вздохнула. Кажется, она сходит с ума.

– Альфа, это вас. Лауш, – Алекс протянул ему трубку.

– Слушаю, – рявкнул тот.

– Привет. Мне сообщили, с твоим телефоном случилось несчастье? – на том конце линии раздался сухой голос альфы Малгожаты.

Еще не так давно их стаи были врагами, теперь же стали партнерами. Общий бизнес, смешанные браки, запутанные родственные связи – все это в кратчайшие сроки объединило две стаи, жившие по соседству. Еще оставались кое-какие проблемы, перешедшие в наследство от прежнего альфы Гервазы, но это были сущие мелочи по сравнению с тем, что там творилось всего год назад.

– Привет, Анджей, – Северин отошел в сторону, давая Мирославе возможность облегченно выдохнуть. – У меня возникли проблемы.

– Что-то серьезное? Смотри, ты мне нужен.

– Да понял. Но у меня к тебе одна просьба.

– Говори. Сделаю, что в моих силах.

Северин на секунду замолк, обдумывая, как бы сформулировать свои мысли так, чтобы Анджей не стал задавать лишних вопросов. Сейчас не было времени на них отвечать.

– Сделай так, чтоб к нашему приезду в «Мальве» не было свободных самцов.

– Сев... – голос Анджея изменился. В нем мелькнула скрытая тревога. – Что происходит?

– Потом, все потом, – Северин прошелся рукой по влажным волосам, откинул со лба прилипшую прядь. – Так ты сделаешь это?

– Ладно. С этим проблем не будет. Мне они там тоже... не нужны. Но ты все объяснишь.

– Как только увидимся.

Хотя, объяснять ничего не придется. Анджей сам все поймет, как только увидит Миру.

Северин нажал отбой, кинул мобилку Алексу.

– Отключи, – приказал безапелляционным тоном и пристально оглядел всю компанию. Задержался на Мирославе, которая чересчур внимательно разглядывала свои кроссовки. Девушка вздрогнула под его взглядом. Значит, почувствовала. Что ж, тем лучше.

– Оставьте нас, – произнес, не отрывая от нее взгляда.

Его приказ тут же исполнили. Как только номер опустел, он позвал:

– Мира?

Она опустила голову еще ниже.

– Не бойся, посмотри на меня. Ты брала фотографии из этого чемодана? – он не спрашивал. Просто констатировал факт.

Ей захотелось исчезнуть, стать невидимкой, раствориться, слившись с обивкой дивана. Почему он не оставит ее в покое? Что ему нужно?

Сердце в груди начало грохотать, как безумное. Ладони вспотели. Она чувствовала себя воришкой, застигнутым в момент преступления. И это сравнение было недалеко от правды.

Она едва не закричала от ужаса, когда он подошел к ней вплотную, поднял за подбородок и силой заставил глянуть ему в глаза. Его пристальный взгляд прошелся по ее побледневшему лицу, отметил слезинки, блестевшие на ресницах, дрожащие губы, учащенное дыхание. Вдохнув, Северин втянул в себя аромат ее страха. Совсем не то, что он хотел бы учуять, касаясь ее.

– Тебе не нужно меня бояться, – глухо выдавил он, отступая. – Тот мужчина на фото... С татуировкой... ты же его узнала?

Она кивнула. Ее взгляд заметался.

– Ладно. Поговорим об этом потом, – он замолк на мгновение, что-то решая, а потом тихо добавил: – Я хочу, чтобы ты доверяла мне. Это много?

– Не знаю...

– Хотя бы попробуй. Я уже дал слово, что не обижу тебя. Ты помнишь?

– Д-да..

– Вот и умница, – он чуть заметно улыбнулся и, как ребенку, вытер слезы с ее щек большими пальцами. – Тот мужчина тебя больше не тронет, поверь. Я не позволю. Ни он, ни кто-либо еще. Теперь ты под моей защитой.

Вот только насчет себя он не был уверен.

Глава 8

И снова она сидела на заднем сиденье пикапа. Только на этот раз компанию ей составляли Алекс и Ром. Рыжий Игорь занял место рядом с Йеном, молча крутившим «баранку», а Северин умчался далеко вперед на своем чоппере.

За окном проплывал унылый сельский пейзаж. Парни ухаживали, как умели: дали ей плед, сунули в руки бутылку с соком и пачку печенья. Мирослава сбросила кроссовки, закуталась в мягкое покрывало и с ногами забралась на сиденье. Так, свернувшись клубочком, она чувствовала себя в куда большей безопасности.

Согревшись, немного расслабилась. Стала прислушиваться к тихому разговору парней. Они что-то обсуждали вполголоса, судя по всему, какое-то событие, случившееся в недавнем прошлом. Что-то связанное с той встречей, на которую они сейчас ехали.

В динамиках зазвучала знакомая песня:

«...I need a Hero to save me now.

I need a Hero.

Save me now!

I need a Hero to save my life.

A Hero'll save me

Just in time...»

«Мне нужно, чтобы Герой спас меня.

Мне нужен Герой.

Спаси меня!

Мне нужно, чтобы Герой спас мою жизнь.

Герой спасет меня

Как раз вовремя...»

Мирослава тихонько вздохнула, закутываясь плотнее. Да, ей бы герой тоже не помешал. Особенно сейчас. Она чувствовала себя незащищенной, крошечной песчинкой, случайно попавшей под мельничные жернова. Еще немного – и боль, которую она скрывает в себе, раздавит ее...

Как с этим жить? Как смотреть в завтра, если не знаешь, что случилось вчера? Неужели ее прошлое настолько ужасно, что разум заблокировал воспоминания, не желая травмировать душу? Но что может быть хуже незнания?

Она должна вспомнить, как оказалась в лесу. Должна. Даже если это сломает ее.

Закрыв глаза, Мирослава слушала песню. Ровный шум мотора, тихие голоса и покачивание автомобиля убаюкивали ее, словно колыбельная. Когда она спала последний раз – Мира не помнила этого. Когда последний раз чувствовала себя в безопасности?

Как ни странно – рядом с Северином.

Да, когда он был рядом, когда она ощущала его присутствие, чувствовала тепло его тела, его внутреннюю силу и мощь – вот тогда она чувствовала себя в безопасности. Какое-то шестое чувство подсказывало – ему можно верить. Этот мужчина не причинит ей вреда. И никому не позволит сделать ей больно.

Но как, тогда, быть с тем, что она увидела на тех фотографиях? Он же догадался, что она узнала мужчину с татуировкой! Что сделает Северин, когда она признается, что его друг похитил ее, держал в плену и насиловал? Поверит? А если нет? Кто она для него? Просто девчонка без роду и племени, случайно подобранная на дороге. Ради чего он возится с ней? Что ему нужно?

И почему он сказал, что ее больше никто не тронет?

Мирослава боялась сказать ему правду. Боялась, что он встанет на сторону друга, скажет, что она сама виновата. А ведь и правда, сама. Зачем доверилась незнакомцу? Зачем села в чужую машину? Сама спровоцировала...

По щекам покатались молчаливые слезы.

Стыд, отчаяние, глухая ненависть к самой себе свернулись внутри колючим комком.

Нужно смотреть правде в глаза. Она сама во всем виновата. Она заслужила все, что с ней случилось. Судьба наказала ее за доверчивость, но, похоже, урок прошел зря. Сейчас она опять доверила себя и опять незнакомцу...

Мирослава не хотела думать о Северине, но никак не могла выкинуть его из головы. Его образ стоял перед ее внутренним взором. Такой, каким она увидела его первый раз там, возле мусорных баков, когда он в одиночку разогнал пятерых неудавшихся насильников. И не тронул ее, хотя легко мог бы воспользоваться своим преимуществом. Вместо этого дал ей ключи от байка. А она? Она просто сбежала. Точнее, попыталась сбежать...

Теперь ее везут неизвестно куда. А она по-прежнему трясется от страха и боится сказать правду. Сколько еще она будет скрывать в себе эту боль?

Песня доиграла и сменилась на новую, а мысли в голове Мирославы подернулись дымкой дремоты. Образ Северина отделился, смешался с другими, превращаясь в туман, который плотной пеленой окутал ее сознание.

Мирослава спала...

... – Мне нужно покинуть тебя до завтра. Решить одно дело, – шершавая мужская ладонь скользит по щеке, вызывая мелкую дрожь во всем теле. Хриплый голос шепчет, точно в полубреду: – Когда вернусь, мы с тобой поиграем. Тебе же нравятся мои игры, малышка?

Ладонь спускается ниже, небрежно ласкает лихорадочно бьющуюся жилку на шее. Мирослава судорожно сглатывает комок, застрявший в горле, и чувствует, как мужчина, тяжело дыша, проводит носом по ее шее. Он шумно втягивает в себя ее запах.

– Ты сводишь меня с ума... – слышит она его шепот. – Не могу оторваться...

Она всхлипывает, когда его горячее дыхание касается ее груди. Он безумен, безумен! Этот мужчина с татуировкой-тарантулом на виске. Чем она заслужила такое?

Он кусает ее за сосок и улыбается, наблюдая, как она плачет.

Сколько она уже здесь? Месяц? Неделю? Или несколько дней? Она давно потеряла счет времени.

Он кормит ее с ложки, обмывает теплой водой, которую приносит в большой пластиковой миске, подставляет судно. И все это время она заперта в этой комнате, не видя белого света. Ведь единственное окно закрыто деревянными ставнями и задернуто плотной шторой.

– Вот такой ты мне нравишься больше всего, – его улыбка выглядит так, словно это волчий оскал. – Знаешь, как действует на меня твоя незащищенность? Знаешь... Ты все знаешь, маленькая омега...

Он всегда ее так называет. Не по имени, просто омега. Почему – она не может понять.

– Мне придется освободить твои руки и ноги, – он берет ее длинные волосы и массажную щетку, медленно, прядь за прядью расчесывает, а потом заплетает в тугую косу. – Веди себя хорошо. Думаю, ты уже поняла, что бежать отсюда бессмысленно. Мы в лесу, до ближайшего жилья несколько сотен километров. Ты скорее заблудишься и умрешь от истощения или тебя задерут дикие звери. Кстати, – он усмехается, – говорят, в этих краях водятся волки... А сезон охоты еще не открыт. Нужно быть очень осторожным, чтобы гулять по этому лесу...

Он что-то делает с ее волосами. Она не видит, но чувствует, как изголовшее немного приподнимается, а потом резко падает вниз.

– Посмотри на меня! – жесткий окрик заставляет ее дернуться на кровати.

Но голову уже не поднять – свободный конец косы намертво зажат между каркасом и тяжелым пружинным матрасом.

– Восхитительно! – он опять проводит рукой по ее щеке. Освобождает от жестких ремней ее руки и ноги. – На столике еда для тебя. Судно – рядом с кроватью. Ты сможешь дотянуться, если захочешь. Я быстро вернусь. Не успеешь соскучиться.

Он уходит, оставляя ее лежать на кровати. Истерзанную, измученную, с тупой болью во всем теле. Дрожащую от прохлады и ужаса. Она слышит скрежет ключа, его шаги за дверью комнаты, потом – стук закрывшейся входной двери и – тишина.

Он ушел. Куда? Она не знает, он не сказал.

Северин любил гонки на грани риска. Любил звук ветра в ушах, ощущение свободы и это незабываемое чувство свободного падения, от которого все внутренности сворачивались в тугой комок. Только когда в его крови ревел адреналиновый ураган, только тогда он чувствовал себя по-настоящему живым.

Сейчас он гнал свой байк по автобану только с одной целью – выбить из головы все мысли о Мирославе, не думать о ней, не желать ее так сильно, до боли в глазах. Ей уже пришлось пережить столько горя! Он не хотел добавлять к нему новые муки. Да и что он мог ей дать взамен, кроме этой похоти, вызванной ее ароматом?

Он смалодушничал, когда захотел, чтобы она пахла, как его пара. Нужно смотреть правде в глаза. У него уже все это было. Каждому волку дается только один шанс в жизни, только одна возможность найти свою пару и сделать ее своей. Он когда-то нашел ее, но не смог удержать. А теперь наивно надеется, что этот запуганный человеческий ребенок займет ее место? Заполнит сквозную дыру в его сердце? Нет, она никогда не станет для него той единственной, все это только действие ее феромонов. Он знал это точно.

Скорость не помогала. От прошлого невозможно сбежать, даже если мчишься со скоростью двести километров в час. Стоило увидеть Мирославу, вдохнуть ее запах – и все вернулось. Мысли, которые он столько лет гнал от себя, наполнили его голову. Образы, о которых он тщетно старался забыть – вернулись. Боль, которую он давно пережил, вспыхнула с новой силой.

Вправе ли он требовать правды от Мирославы, если у него самого есть то, о чем не хочется вспоминать?

Например, гибель Софии...

Сколько лет прошло со времени Малгожатской трагедии? Лет пять? Шесть? Он тоже был одним из тех, кто потерял своих близких в этом пожаре. И все это время жил с ощущением вины. Самоуверенный болван, решивший, что ему принадлежит целый мир.

В тот год, о котором он хотел забыть навсегда, ему часто приходилось бывать в разъездах. Строительство своего дома оказалось слишком затратным, приходилось крутиться, хвататься за любую работу. София скучала, часто оставалась в одиночестве, но не роптала. Она все понимала, его восхитительная пара, и мечтала о том дне, когда они, наконец, переедут в собственный дом и заведут пару потешных щенят. А пока он занимался делами, она частенько навещала своих родителей, живших на краю Малгожаты.

И в тот злополучный день она тоже ночевала у них.

Известие о ее гибели застало его врасплох. Пожар унес жизни большей части поселка. Его София, ее родители, сестры и братья – все были мертвы. Они не успели спастись, их дом подпалили одним из первых. На остатках дымящегося пепелища спасатели сумели найти только восемь скрюченных обгорелых трупов. Смерть застигла их в момент оборота.

Когда Северин вернулся, их уже похоронили. Он не успел попрощаться. И все, что он помнил – это серые столбы дыма над медленно остывавшими остатками домов и безмолвно скорбящие тени тех, кто остался в живых.

Что он тогда ощутил? Невероятное чувство потери. Безысходность. Бессилие. Ненависть к самому себе за то, что не успел, не почувствовал. Не предусмотрел.

Хотелось выть. Грызть землю зубами. Пустить себе кровь. Сделать своему телу как можно больнее, чтобы физическая боль заглушила душевные муки.

Внутренний волк в безумном отчаянии бился в темнице его сознания. Рассудок пытался найти оправдания и не находил. Потому что их не было.

Он не помнил, как пережил первые три года. Они пролетели, будто в тумане, заполненные образами бесконечного серого леса и дикой охоты. Тогда их было немало – тех, кто не выдержал и покинул поселок, променяв человеческую жизнь на звериную. Они уходили в леса, обращались в волков и пропадали в непроходимых дебрях.

Многие так и не вернулись назад.

Он вернулся. Точнее, его вернули.

Видимо, кто-то там, наверху, решил, что его время еще не настало.

И вот теперь судьба дает ему еще один шанс? Да как бы ни так!

Сейчас, когда Мирослава находилась за пару километров от него, а ее запах не затмевал его разум, он мог мыслить логично.

Она – омега, и этим все сказано. Каждый свободный самец видит в ней свою истинную пару. Каждого она может осчастливить и сделать отцом. Это делает ее просто бесценной для тех, кто уже отчаялся найти свою пару.

Для таких, как он. И как Влад.

Черт!

Резко ударив по тормозам, Северин выкрутил руль. Мотоцикл издал режущий уши звук, пролетел еще несколько метров, оставляя на асфальте черный след от колес, и застыл поперек шоссе, развернувшись на девяносто градусов.

Над дорогой висело серое небо, по обе стороны от нее тянулся сосновый бор. Северин втянул в себя сухой, душный воздух, отмечая крики птиц и жужжание насекомых в траве. С севера надвигалась грозовая туча.

Что ж, дождь ему не помешает. Слишком жарко становится здесь.

Он скинул футболку, небрежно засунул ее под седло. Повел плечами, разгоняя кровь в напряженных мышцах. Да, так значительно лучше.

Что угодно, только не думать о том, что заставило его ударить по тормозам.

Влад Корса.

Северин никогда не задумывался, почему тот ушел жить в мир людей. Почему избегал близости со своими соплеменниками и предпочитал компанию человека. Почему старался не связываться с волчицами и даже в мире людей не завел себе пару. Хотя, последнее было бы затруднительно: всегда существовал риск начать оборот прямо на глазах у потрясенной любовницы или не рассчитать силы и случайно сломать ей пару костей. Человеческие женщины были слишком хрупкими, чтобы выдержать страсть лугару.

И вот теперь волк-одиночка получил идеальный шанс – Мирославу. Девушка-полукровка, омега, настоящий подарок судьбы. Хватай ее, серый волк, тащи в свое логово и делай своей. Она не окажет сопротивления, просто не сможет, а потом, когда твое семя в ней даст свои всходы, ты привяжешь ее к себе навсегда...

Над дорогой разнесся глухой рык, полный ярости.

Серебристый волк внутри Северина уже бесновался, выл, требуя выпустить его на свободу. Ему было плевать на все доводы разума, он хотел одного – ощутить аромат Мирославы. Ткнувшись носом ей в шею, в ту нежную ямку, при мысли о которой у него сводит челюсти.

Убедиться, что она по-прежнему сладко пахнет. Что в ее запахе больше нет ощущения чужого самца. Что он выветрился, смылся в душе, растаял, смешавшись с ароматом шампуня и мыла.

Он должен был убедиться, что не ошибся.

Что она не беременна.

Ведь если он опоздал, ее придется вернуть. Вернуть тому, чьих щенков она носит. Таков закон стаи.

Достав мобилку, которую Алекс пожертвовал ему взамен разбитой, Северин нажал вызов. Игорь ответил почти мгновенно:

– Альфа, вы где?

– Стою, жду на дороге.

– Случилось что-то? – голос Ершова напрягся.

– Нет. Как Мирослава? – вопрос вырвался раньше, чем Северин запретил себе спрашивать. Пальцы сжали телефон с такой силой, что раздался предупреждающий треск.

– Спит, как младенец.

– Отлично, – он почувствовал, как напряжение отпускает. – Глянь там, на навигаторе, сколько до ближайшего населенного пункта?

– Ну... От нас пять километров. На карте обозначены АЗС, медпункт и столовая. Поселок какой-то.

– Что ж, сможем там отдохнуть и перекусить. Догоняйте.

Отключив телефон, кинул его назад в бардачок под сиденье.

Скоро он снова увидит ее. Вдохнет ее аромат и потеряет рассудок. Хватит ли у него сил выдержать эту пытку?

Или, может, не стоит сопротивляться инстинктам? В конце концов, они всегда побеждают...

Глава 9

Мирославу разбудила тишина. Несколько минут девушка лежала, не открывая глаза, прислушивалась. Мотор не работал, музыку кто-то выключил, да и присутствия кого-либо в салоне не ощущалось. Машина стояла.

Девушка тихонько вздохнула. Кажется, ей что-то снилось, что-то очень неприятное. Такое, о чем она не хотела бы вспоминать. Но память тут же услужливо подсунула отвратительные картины ее недавнего прошлого.

И что теперь? Продолжать делать вид, что она ничего не помнит? Или, все же, рискнуть и сказать Северину правду? В конце концов, он не похож на мерзавца, да и его друзья, какими бы странными они не казались, до сих пор не причинили ей вреда. Но вот вопрос, может ли она им доверять?

Доверять тому, кто даже не является человеком.

Да, хватит делать вид, что это не так. Она сама все видела, собственными глазами.

Сейчас Мирослава не хотела думать об этом, гнала от себя образы волков, поймавших ее в пшеничном поле. Но они настойчиво лезли ей в голову. И она ничего не могла с этим поделать.

Скрипнула дверца автомобиля. В салон ворвался сухой августовский воздух, наполненный ароматом уже увядающей зелени, щебет птиц, шум машин и голоса людей. А еще запах Северина. Мирослава узнала его мгновенно, едва он коснулся ее обоняния.

– Спишь? – раздался тихий, чуть хриловатый голос. – Мира?

Она медленно села. Их взгляды на мгновение встретились, и на лице мужчины промелькнула сдержанная улыбка:

– Хочешь кушать? Или в туалет?

Она молча кивнула.

– Тогда пошли. Времени мало.

Она обулась и выбралась из машины. Автомобиль был припаркован возле небольшого уличного кафе. Мирослава увидела круглые пластиковые столики, которые в три ряда располагались под огромным навесом, защищающим их от солнца. Часть столиков была занята. Мужчины, женщины, дети – все они мирно беседовали о чем-то своем, обменивались шутками, улыбались, медленно потягивая напитки и поглощая местные блюда. Никому из них даже в голову прийти не могло, что сейчас, в эту секунду, среди них находятся те, о ком можно прочитать только в книжках и увидеть в кино.

Оборотни.

Они сидели за крайним столиком, почти у края площадки. Йен, Ром, Алекс и Игорь. Все четверо. Мирослава увидела их сразу, как только покинула салон пикапа. И они, судя по всему, ожидали ее появления, потому как мгновенно насторожились и повернулись в ее сторону.

– Не бойся, – Северин взял ее за руку. – Ты вся дрожишь. Тебе холодно?

– Нет, – она заставила себя говорить, через силу проталкивая слова сквозь горло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.